

Несекретные
МАТЕРИАЛЫ

Петрозаводск
VERSO
2008

ББК 84(2Рос=Рус)6-44
УДК 821.161.1-3
Н 55

Автор-составитель
П. В. Странский

Несекретные материалы / [авт.-сост. П. В. Странский]. – Петро-
Н 55 заводск : Verso, 2008. – 108 с.

ISBN 978-5-85039-200-0

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

От автора-составителя

В начале 2008 года ООО «Геомастер» объявило открытый конкурс на лучший рассказ под условным названием «Байки карельских геологов». Конкурс был приурочен к предстоящему Дню геолога. По условиям конкурса, объем рассказов не должен был превышать 5 печатных страниц. Количество представляемых произведений от одного автора на конкурс не регламентировалось. Тематика – случаи из геологической жизни, охотничьи и рыбацкие рассказы и т. д. Приглашение принять участие в конкурсе было отправлено коллегам в различные геологические организации Петрозаводска, Санкт-Петербурга и Архангельска. Победителям конкурса были обещаны награды и попадание в сборник лучших рассказов карельских геологов. Спонсором конкурса выступало ООО «Геомастер». Данный сборник планировалось выпустить ко Дню геолога тиражом тысяча экземпляров. Общеизвестно, что все геологи – натуры романтические и творческие. Они пишут прозу, рисуют, занимаются фотографией, сочиняют стихи и песни, проявляют множество других талантов. Первыми на наше предложение поучаствовать в конкурсе откликнулись представители института геологии КНЦ. У них был опыт издания собственных сборников, правда, исключительно поэтических. Поэтому они смело потребовали от организаторов данного мероприятия изменить формат конкурса. Поскольку, по их мнению, понятие «байки» более широкое, чем рассказ. Посовещавшись, организаторы согласились расширить творческие рамки конкурса, добавив к рассказам поэзию. Что из этого смешения жанров получилось, судить читателям. При этом необходимо помнить, что авторы не профессиональные писатели и поэты. Для большинства из них это первая проба пера. Вместо запланированного сборника рассказов у нас получился альманах литературного творчества карельских геологов. Будем надеяться, что первый блин не получился комом. Вполне возможно, что подобный конкурс станет традиционным и ежегодным. Остается пожелать всем участникам нашего конкурса новых творческих успехов. Ведь до следующего Дня геолога остается не так много времени.

П. В. Странский

Историческая
ГЕОЛОГИЯ

Байки карельских геологов

Пришла пора бить бокалы

Моим друзьям из ТУКГРЭ посвящается...

Свою трудовую деятельность после окончания горного института я начинал в Тимптоно-Учурской комплексной геологоразведочной экспедиции, базирующейся в городе Алдане, на юге Якутии. Преимущественно экспедиция занималась поисками золота, геологической съемкой, разведкой различных месторождений, например знаменитого Селигдарского месторождения апатита, превосходящего по запасам и качеству руды знаменитые апатиты Мурманского полуострова. Кроме этого у экспедиции были неплохие объекты по меди, молибдену, графиту и другим полезным ископаемым. Для молодых специалистов был широкий выбор поля деятельности по специальности, а главное – хорошая возможность учиться ремеслу. Экспедиция была укомплектована опытными кадрами, имеющими за своими плечами огромный опыт работы в Советском Союзе и во многих зарубежных странах. Каждый год состав экспедиции пополнялся несколькими десятками молодых специалистов – выпускников горных институтов, техникумов, университетов. Попасть по распределению в Якутию в то время считалось большой удачей. Здесь на карте было много белых пятен, приложив определенные усилия, можно было быстро стать настоящим специалистом и сделать стремительную профессиональную карьеру. В тесном экспедиционном общежитии, расположенном в поселке Дrajный, дружно проживали около сотни молодых специалистов, приехавших со всех концов нашей страны. Из удобств в общежитии был только один кран с холодной водой и центральное отопление. Все остальные удобства, в том числе холодный деревянный туалет, находились на улице. Для Якутии, с ее трескучими морозами, это было близко к экстриму, но на такие мелочи тогда никто не обращал внимания. Кроме работы все активно занимались спортом, участвовали в художественной самодеятельности, никому не давали скучать

профсоюзы. У нас быстро сложилась хорошая дружная компания из 25–30 молодых специалистов, преимущественно геологов и геофизиков. Мы дружно отмечали все праздники, дни рождения, отъезды в «поля» и приезды с «полей», свадьбы, разводы, крестины, командировки на «Большую землю», отпуска, спортивные победы и т. д. Поводы собраться вместе и повеселиться находились очень часто. Каждый второй играл на гитаре и пел, поэтому веселье не превращалось в банальную выпивку, а чаще напоминало фестиваль бардовской или эстрадной песни. Рок в это время только начинался, появлялись первые магнитофонные записи «Машины времени» с Андреем Макаревичем. Каждый из нашей дружной компании был яркой личностью и талантом в какой-нибудь области, в каждом была какая-то изюминка. Про любого можно долго и интересно рассказывать или посвятить ему главу в собственных мемуарах.

Я хочу рассказать про одну встречу дня рождения в составе нашей компании. Однажды мы решили отметить день рождения очаровательного молодого геолога, с потрясающим чувством юмора, Лорочки Блюмович, в ресторане. Про ее розыгрыши в экспедиции ходили легенды. Однажды в отпуске, в Днепрпетровске, Лорочка встречалась в ресторане со своими друзьями. В это же время, в этом же ресторане оказался знаменитый актер Александр Калягин, необычайно популярный в стране после культового фильма «Здравствуйте! Я Ваша тетя». Калягин сразу же заметил симпатичную Лорочку и стал подбивать к ней клинья. Он пригласил ее на танец и вкрадчивым голосом спросил: «Вы меня не узнаете?». Лорочка сказала – нет, хотя сразу узнала артиста. Калягин продолжал свою атаку и задал следующий вопрос: «Вы смотрели фильм «Здравствуйте! Я Ваша тетя»? Лорочка сказала нет и что она вообще не любит смотреть кино. Задетый за живое артист гордо сказал: «Я – Александр Калягин», на что незамедлительно получил ответ: «А я – Лорочка Блюмович». Вечер у Калягина был категорически испорчен. Он немедленно отстал от развеселившейся Лорочки, а позже жаловался местной прессе на провинциальных девушек, не любящих смотреть кино.

В городе Алдане в те годы было всего два ресторана: «Алдан» и «Север», причем первый находился недалеко от здания конторы на-

шей экспедиции и считался более престижным. На нем мы и остановили свой выбор. Как полагается, заранее заказали столик человек на 30, сделали предоплату, оповестили всех приглашенных. Настал праздничный вечер, и мы дружной толпой ринулись в ресторан. Раздевшись в гардеробе, все двинулись в зал и расселись за заранее накрытые столы. Ресторан был довольно просторным, человек на триста. Свободных мест практически не было. Публика была довольно пестрая, от дам в изысканных вечерних платьях до старателей в ватниках и болотных сапогах, отмечавших завершение успешного полевого сезона. Все это напоминало времена золотой лихорадки, описанные Джеком Лондоном. Дополняло впечатление постоянное броуновское движение. Кто-то входил в зал, кто-то выходил, где-то вспыхивали драки, кого-нибудь уносили, столики сдвигались, компании перемешивались. Поскольку за нашим столиком сидело около двадцати крепких молодых ребят ростом под два метра, к нам никто не подходил за весь вечер выяснять отношения. Несомненным украшением ресторана был собственный вокально-инструментальный ансамбль. Уровень исполнительского мастерства поражал мгновенно. Ребята по заявкам исполняли любой отечественный или иностранный хит, любую народную или блатную песню. Причем делалось это на высочайшем профессиональном уровне, без всяких фонограмм, вживую. Желающих заказать музыку было огромное количество. Постоянно у сцены стояла очередь. Ансамбль, чтобы выполнить все заявки, играл не более одного куплета любой заказываемой песни. Денежные купюры разного достоинства стремительным потоком двигались из зала к руководителю ансамбля. Иногда подвыпившие старатели, предлагали рассчитаться золотым песочкам. За вечер ансамбль зарабатывал как минимум на автомобиль «Жигули». Позже мы узнали, что все участники ансамбля имеют по два высших образования, одно из которых консерваторское. Попасть в состав этого ансамбля было практически невозможно, никакой текучести кадров, легче было устроиться на работу в «Песняры» или «Самоцветы». Мы замечательно проводили вечер в ресторане. Хорошая компания, вкусная еда, море напитков, веселые тосты, танцы под зажигательную живую музыку, очаровательная именинница. Все было прекрасно. Время пролетело стре-

мительно. Кто-то из работников ресторана сделал объявление, что через 15 минут ресторан закрывается. Пора было собираться домой. Тут наш «мальш» Саша Леонов (рост 2,01 м) громко сказал, что пришла пора бить бокалы, и опустил свой бокал из-под шампанского на стол. Видно, сделал он это от души, так как ножка бокала отломилась. Мгновенно у нашего стола появился официант и потребовал заплатить за разбитую посуду. На вопрос: «Сколько?» последовал ответ – 5 рублей. Сосед Леонова по столу достал десятку, отдал ее официанту и попросил Сашу разбить еще один бокал, чтобы было без сдачи. Сашу долго уговаривать было не надо, он с большим удовольствием немедленно выполнил просьбу друга. Клиенты с соседних столов внимательно следили за происходящим у нас. Им очень понравилась наша неожиданная идея бить посуду. Они расставляли бокалы и фужеры в ряд на своих столах и били их бутылками, заблаговременно положив на стол нужную сумму штрафа за причиненный ущерб от боя посуды, для официантов. Последние метались между столами, собирали деньги и уговаривали всех остановиться. Эпидемия безумия охватила полностью зал. В это время мы предусмотрительно покинули ресторан всей своей компанией. После нашего ухода, через пять минут, весь ресторан был оцеплен нарядами милиции. Но было уже поздно. Вся посуда оказалась успешно разбита. Ресторан пришлось закрыть на несколько дней, до привоза ее нового комплекта. Об этом случае долго говорили в городе, была даже заметка в местной газете. Мы же с тех пор, завершая любое застолье, всегда вспоминаем празднование дня рождения Лорочки Блюмович в ресторане «Алдан» и крылатую фразу Саши Леонова: «Пришла пора бить бокалы».

Якутия, г. Алдан, 1981

Театральная жизнь

Одной из постоянных экспедиционных традиций были две ежегодные театральные премьеры. Готовились они для детей и взрослых к Новому году и празднику проводов зимы. Неизвестно кто и

когда придумал эту затею, но она всем очень нравилась и не давала никому скучать. Выглядело это следующим образом. За 2–3 месяца до премьеры инициативная группа собиралась и утверждала план действий. Выбиралась какая-нибудь сказка. Желательно с максимальным количеством персонажей (иногда до нескольких десятков). Затем художественным советом подбирались на роли актеры, преимущественно из молодых специалистов. Отказываться от предлагаемой роли было крайне неприлично и бесполезно. Не обладающие актерским даром сразу же записывались в группы, которые занимались изготовлением костюмов, театральных декораций, украшением зала или разогревом маленьких зрителей перед спектаклем в фойе Дома культуры. Таким образом, заняты в подготовке и проведении спектаклей оказывались практически все. Профсоюз выделял необходимые финансовые ресурсы для изготовления или приобретения реквизита и декораций. Примерно за месяц до премьеры начинались репетиции. Как в настоящих театральных труппах, среди самодеятельных актеров шла борьба за исполнение главных ролей в спектакле. Иногда удавалось набрать на спектакль два состава артистов. Ведь неизвестно, куда может забросить работа завтра любого из нас, поэтому всегда должны быть дублеры. Наконец наступал день премьеры. Все участники подготовки спектакля и артисты приходили в Дом культуры за 2–3 часа до начала. За сценой стояли накрытые профсоюзными деятелями для артистов столы с закусками, а под столами ящики со спиртным в широком ассортименте (коньяк, питьевой спирт, водка, вино, ликеры). Считалось, что перед выходом на большую сцену, для снятия страха перед публикой и будущей вдохновенной игры, необходимо «принять на грудь». Персональную дозу «допинга» для каждого артиста перед началом спектакля регулировал главный профсоюзный босс. Он всегда был ответственным за «спортивную форму» артистов и завершающий любой спектакль банкет. В фойе появлялись первые маленькие зрители с родителями. Первыми в бой вступали артисты из группы разогрева, или, как их часто мы называли между собой, группы «смертников». Они одевались в костюмы сказочных героев и различных зверей и должны были водить хороводы, устраивать конкурсы, петь и плясать вместе с детьми. Как правило, ежегодно

много ребят приходило на праздник в костюмах мушкетеров со шпагами. Они нормально относились к Деду Морозу, Снегурочке, Красной шапочке, различным зайчикам и лисичкам. Но стоило в зале артистам появиться в костюме Карабаса-Барабаса, волка или кого-нибудь подобного, вся многочисленная команда мушкетеров отважно бросалась на них, пытаясь заколоть врагов своими острыми шпагами. Иногда артистам, чтоб избежать серьезных травм, приходилось спасаться бегством. Звенел третий звонок и начинался спектакль. Честное слово, это не было халтурой. С первой и до последней минуты взрослые и дети сидели в зале, затаив дыхание. Принявшие небольшой «допинг» перед началом спектакля артисты творили чудеса на сцене, играя не хуже «заслуженных» или «народных». Костюмы актеров, декорации, световое и звуковое сопровождение, все было на высшем уровне. Такой спектакль не стыдно бы было показать на любой сцене. Завершался спектакль под овации и шквал аплодисментов. Затем всю труппу за кулисами ждал завершающий банкет, где уже никто никого ни в чем не ограничивал. Молва о новых театральных постановках мгновенно разносилась по городу. Артистов приглашали со своим спектаклем различные городские предприятия для выступления перед своими детьми в актовых залах и Домах культуры. Актеры, исполнявшие главные роли, становились местными «знаменитостями». Но самой тяжелой для артистов всегда была роль Деда Мороза. В его задачу входило разнести подарки по домам для детей сотрудников экспедиции. Без нескольких «дублеров» Дед Мороз никогда не работал. После посещения определенного количества квартир, в каждой из которых родители что-нибудь наливали Дедушке Морозу и хотели с ним выпить по случаю Нового года, приходилось в действие вступать «дублеру». Завершить полностью свой новогодний вояж самостоятельно у основного Дедушки Мороза не хватало здоровья и сил. Не всегда справлялись с ответственной задачей и «дублеры», их тоже часто подводило здоровье. Но как бы тяжело ни было артистам, без новогодних подарков никогда не оставался ни один экспедиционный ребенок.

Якутия, г. Алдан, 1981

Спорт в экспедиции

После окончания геологоразведочного факультета горного института по распределению я попал на золотой Алдан. В экспедиции было много молодежи, съехавшейся со всех концов необъятного Советского Союза. В суровых северных условиях был великолепно организован досуг сотрудников. В штате экспедиции находился физкультурный организатор, который был заводилой, душой компании и хорошим универсальным спортсменом. Поэтому круглый год в экспедиции проводились спортивные соревнования между партиями по баскетболу, волейболу, шахматам, шашкам, мини-футболу, настольному теннису и другим видам спорта. Пример молодежи с различных партий на спартакиаде всегда подавала команда АУП (административно-управленческого аппарата). Средний возраст участников этой команды был примерно 60–65 лет, но в соревнованиях по любому виду спорта эта команда билась только за первые места. Глядя на старших товарищей и коллег, молодежи приходилось брать с них пример и выкладываться по полной программе. Про договорные матчи в то время никто не слышал. Для занятий спортом экспедиция арендовала спорткомплекс комбината «Алданзолото», некоторые соревнования проходили на стадионе «Металлург». К каждому празднику в экспедиции проводились блиц-турниры по быстрым шахматам. Профсоюзы не жалели денег на призы, поездки спортсменов на соревнования, приобретение спортивной формы и инвентаря. Мои первые спортивные успехи в экспедиции начались через месяц после приезда на ноябрьском блиц-турнире по шахматам. От нашей геофизической партии на этот турнир делегировали троих участников, а всего их было около двадцати пяти. Причем на всех предыдущих турнирах первые три места занимали три опытных перворазрядника из коллектива АУП. Профсоюзы, заранее зная победителей, готовили для них персональные призы (столовые сервизы, магнитофоны, радиоприемники или еще что-нибудь необходимое в домашнем хозяйстве), в соответствии с их пожеланиями. Надо сказать, что в институте мне приходилось играть в шахматы за курс, за факультет и один раз даже за институт. Там в команде все ребята, кроме меня, были в шахматах

профессионалами. Они занимались шахматами с детства во Двorcaх пионеров и спортивных школах, досконально знали теорию. В команде не было никого, кроме меня, уровнем ниже кандидата в мастера спорта. Меня же в шахматы научил играть отец. В школе я неожиданно для себя на городских соревнованиях выполнил норму первого разряда, абсолютно не зная шахматной теории и не имея соревновательного опыта. Общаясь с сильными шахматистами в институте, мне удалось значительно повысить свой уровень игры, особенно в быстрые шахматы. Спасибо за это моим друзьям, особенно Валере Солдатенко. Но об этом не знали мои соперники. Когда закончился личный экспедиционный блиц-турнир по шахматам, в зале на несколько минут воцарилась тишина. Результат оказался неожиданным для всех. Я две партии свел вничью, а остальные выиграл. Отрыв от второго места составил три очка. Первым опомнился профсоюзный босс. Он подошел ко мне и тихо сказал: «Парень, ты нарушил все наши планы и теперь говори, что хочешь получить в качестве первого приза, но учти, что все призы уже куплены под конкретных людей». Пришлось мне согласиться взять в качестве приза шахматные часы, чтобы не обижать остальных, для которых были приобретены персональные призы по их предварительным заявкам. Утром я проснулся «знаменитым». Вся экспедиция только и говорила о том, что в геофизической партии появился новый молодой специалист, сломавший многолетнюю шахматную гегемонию. Все расспрашивали моих коллег по партии обо мне, откуда я появился на их голову. Но только экспедиционными соревнованиями наша спортивная жизнь не ограничивалась. Наш штатный физкультурник включал команду экспедиции в районные соревнования по всем видам спорта, а иногда и в республиканские. На уровне Алданского района команда экспедиции по различным видам спорта всегда боролась только за первые места. Особенно острым было соперничество на первенстве района по футболу. Там всегда участвовало команд 15–20. У нас в экспедиции работали несколько ребят, прилично игравшие в футбол, а лучшим футболистом был геолог Мишаня, пробовавший свои силы в дубле известной команды «СКА Ростов». Летом команда экспедиции усиливалась приезжавшими на производственную практику студента-

ми. Студенты были не только с ближайших институтов и техникумов, но и из Грузии, Армении, Украины, Москвы, Питера, Свердловска и даже Владивостока. Получалась почти сборная Советского Союза. Воодушевленный нашими успехами на районном уровне, начальник экспедиции – страстный болельщик, вместе с физкультурником решили включить нашу команду экспедиции по футболу «Геолог» (г. Алдан) в соревнования на Кубок Якутии. В те годы победитель Кубка Якутии получал право играть в Дальневосточной зоне группы Б среди профессиональных команд мастеров по футболу. По жеребьевке, нам в первом матче предстояло сыграть на своем поле с командой «Авиатор» (г. Якутск). Обо всем этом мы узнали по радию в день матча, примерно к обеду. Команду собирали с ближайших от города Алдана участков работы, используя вездеходы, автотранспорт и даже вертолеты. Приказ дал лично начальник экспедиции. В 17.00 на стадионе «Металлург» был почти аншлаг. За нас пришли болеть не только коллеги-геологи, но и многие горожане. С большим трудом нам удалось собрать 11 человек, чтобы начать матч в полном составе. Большинство из нас успело отработать этот рабочий день в маршрутах. Матч начался для нас неожиданно удачно. Мы начинали с центра поля. Судья свистнул. Наш лучший игрок Мишаня (с дубля СКА Ростов) отпасовал второму нападающему Коле Гудкову и тот, заметив, что вратарь соперника вышел из ворот далеко в поле, ударил по воротам. Удар получился на удивление сильным и точным. Мяч, перелетев через вратаря гостей, оказался в сетке ворот. Стадион взревел. Не прошло и 5 секунд, а мы уже вели в счете 1:0. Все настроились на крупный разгром соперника. Действительность оказалась для нас жестокой. Уже через три минуты команда соперника пришла в себя и начала планомерную осаду наших ворот. Создавалось впечатление, что в команде соперников на поле в 2–3 раза больше футболистов. Они быстро двигались, хорошо взаимодействовали и в техническом плане превосходили нас по всем статьям. Мы старались играть со всех сил, выкладывались, как могли, но ничего не получалось. Первый тайм закончился со счетом 4:1 в пользу «Авиатора». В перерыве тренер безуспешно пытался поднять наш боевой дух. У нас же в голове мелькала одна мысль, чтобы этот «позор» быстрее закон-

чился. Во втором тайме противники издевались над нами как хотели и забили в наши ворота еще два гола. Матч мы проиграли со счетом 6:1. После матча в раздевалке воцарилась гнетущая тишина, все были мрачнее тучи. Такого позорного счета никогда не было в истории команды экспедиции. Тишину нарушил вошедший к нам тренер соперников. Он поблагодарил нас за хорошую игру и просил не огорчаться из-за счета. Еще он сказал, что все в его команде профессиональные футболисты из различных клубов, а мы – просто хорошие любители. Последние шесть месяцев они усиленно тренировались (три месяца в Сочи), чтобы выиграть Кубок Якутии и попасть в чемпионат Советского Союза. В конце концов им это удалось сделать. Сокрушив остальных соперников по Кубку Якутии с двухзначным счетом, «Авиатор» стал играть среди команд мастеров по футболу в Дальневосточной зоне класса Б. Затем они поменяли название команды на «Динамо» (г. Якутск). Нам же этот матч запомнился как самая позорная игра в нашей жизни. Единственное утешение, что все-таки играли с профессионалами. Второй жестокий опыт борьбы с профессионалами я получил чуть позже. На уровне района наша экспедиционная шахматная команда уверенно всех побеждала. Начальство решило послать нас поиграть на первенство Якутии. Соревнования должны были проходить во второй половине января в г. Якутске. До этого я неоднократно бывал в Якутске, но не зимой. Таких морозов я еще не видел. Во время турнира температура постоянно была 53–57 градусов ниже нуля. В городе всю зиму стоит плотный туман. В пяти метрах ничего не видно. Говорят, что это из-за реки Лена. Аэропорт Якутска практически всю зиму закрыт, а самолеты летают с военного аэродрома Маган, находящегося в горах в 30 километрах от Якутска. Играть было очень тяжело, поскольку в других командах были опытные турнирные бойцы, постоянно участвующие в различных республиканских и всесоюзных соревнованиях. Они досконально знали шахматную теорию, носили с собой на игры различную шахматную литературу (про компьютеры тогда еще не слышали). Нашей команде каким-то чудом удалось уйти с последнего места. Можно сказать, что это был локальный успех. После этого случая мы поняли, что с профессионалами в спорте тягаться практически бес-

полезно. К концу соревнований, в день отлета, в Якутске потеплело, было всего минус 51 градус. Настоящую радость мы ощутили, подлетая к Алдану, когда бортпроводница объявила по радио, что температура в порту Алдана минус 15 градусов. После двух недель за минус 50, минус 15 казалось почти летом. Выходя из самолета с распахнутыми полушубками, мы радовались теплой погоде. Хотелось побыстрее добраться до общежития и увидеть друзей. Впереди нас ждала любимая работа и новые соревнования.

Якутия, г. Алдан, 1981

Поездка на Соловки

В 1989 году я работал главным геофизиком и был заместителем начальника крупной 56 экспедиции 1-го Главка, в Архангельской области. Экспедиция занималась не только геологией, но и дорожным строительством. Мы строили до 90 километров дорог в год с грунтовым покрытием по всей Архангельской области. Для этого у нас было около 200 единиц дорожно-строительной техники и 5 дорожных участков. Досталось все это экспедиции по наследству, после завершения строительства технологической дороги от г. Архангельск до п. Поморье (месторождение алмазов им. Ломоносова). Когда возникла необходимость срочного строительства данной автодороги, обратились к архангельским дорожникам в АРХАНГЕЛЬСК-АВТОДОР. Те в один голос заявили, что ее минимальный срок строительства по нормативам более 10 лет. Тогда начальник 1-го Главка МИНГЕО собрал на совещание всех своих начальников геологоразведочных экспедиций и поставил задачу своими силами построить эту дорогу за год, иначе всем открутит головы. Задача была решена. Правда, срок строительства растянулся на 1,5 года. Со всех экспедиций для этого собрали технику и людей, которые потом и остались работать в 56 и 17 экспедициях Невского ПГО. Поселки экспедиций 1-го Главка всегда отличались своей благоустроенностью. Для людей старались создавать нормальные условия для работы и отдыха. В базовых поселках строились дома со всеми удоб-

ствами, были магазины, бани, клубы, медпункты, у нас работала круглосуточно шикарная столовая, бригада поваров которой летала на вахту в Архангельск из Киева, а шеф-повар Саша прежде был шеф-поваром одного из лучших киевских ресторанов. Слава об этой столовой шла по всей области. В это время везде были перебои с продуктами, но мы хорошо снабжались, меняя лес и доски со своей пилорамы на продовольствие. Профсоюзы помогали работникам поправить свое здоровье в санаториях и пансионатах, решали вопросы с приобретением путевок. Для желающих заниматься спортом проводились различные соревнования, абонементы для сотрудников позволяли три раза в неделю по вечерам плавать в бассейне «Водник» г. Архангельска. Постоянно организовывались различные экскурсионные поездки. Об одной из них и пойдет рассказ. В то время было практически невозможно попасть на Соловки. Из Архангельска туда ходил один большой корабль, который брал в одну поездку менее 100 человек. Если учесть, что в то время был еще Советский Союз со своими 15 республиками и 250 миллионами населения, то шансов попасть с экскурсией на Соловки было очень немного. А желающие туда поехать из нашей экспедиции были. Помогла решить эту задачу случайность. Архангельское морское пароходство купило в Норвегии навороченный пассажирский скоростной катамаран на 350 мест. Поездка на этом катамаране на Соловки и обратно занимала ровно 24 часа, 5 – туда, 5 – обратно и 14 часов экскурсии на островах. Когда пришла пора ехать на Соловки, оказалось, что желающих в экспедиции всего только трое. Кроме меня поехала геолог Люда Шаук и сын главного геолога экспедиции Савинных Валентина Степановича. Молодой человек заканчивал школу и собирался поступать в мореходку, чем очень нервировал своих родителей, желающих ему другого жизненного пути. Собираясь в поездку на сутки, по старой геологической и туристкой привычке, я бросил в свой дипломат несколько банок консервов, хлеб, огурчиков, помидорчиков. В поездке нас обещали трижды покормить, но бережного бог бережет. Уезжая на сутки, нас учили запастись всем необходимым как минимум на трое суток. Катамаран выходил из Архангельска ровно в 24.00. Первое впечатление от судна самое благоприятное. Кругом огром-

ные плоские телевизоры, видеомагнитофоны, полы застелены коврами, буфет ломится от напитков. Пожалуй, единственным недостатком катамарана были не слишком удобные сиденья, спинки у которых сделаны из хромированной выгнутой трубы. Красиво и неудобно, как на наших железнодорожных вокзалах. Но на короткие расстояния можно ездить и с такими жесткими нераскладывающимися сиденьями. Хотя капиталисты могли бы взять пример с наших комфортабельных пассажирских «Комет» и «Метеоров». Пока двигались по фарватеру Северной Двины, пошел ливень. К пассажирам по радио с шутками обращался судовой врач, который объяснил, где у каждого находится под сидением спасательный жилет и какие таблетки надо пить, если начнет кого-нибудь укачивать. Шутки закончились с выходом в открытое море. Там бушевал настоящий шторм. Бедный катамаран поднимало на волнах почти под 90 градусов. За окнами была непроглядная темень, гроза, гром, дождь лил как из ведра. Из 350 пассажиров катамарана более 300 оказались подвержены морской болезни, в том числе и мой подопечный – сын главного геолога, собиравшийся поступать в мореходку. Ему было особенно плохо. Пришлось его выводить из салона на свежий воздух на вторую палубу. Там он уцепился за поручни, его выворачивало по полной программе, а я держал его за штаны, чтобы его не смыло во время ужасной качки с катамарана за борт. При этом ливень с грозой и громом продолжался всю ночь, практически до Соловков. Я оказался не подвержен морской болезни, но смотреть, как мучаются остальные, было довольно страшно. Мелькала мысль, а вдруг и тебе станет так же плохо. К причалу Соловецких островов мы подошли с опозданием на час. Всех пригласили в столовую на завтрак. Из 350 человек пошли только десять. У остальных начисто пропал аппетит. Я с Людой вошел в эту великолепную десятку. Она также нормально перенесла шторм на море, сказала геологическая и туристская закалка. После завтрака надо было идти на экскурсии, но к этому были готовы те же 10 человек. Правда, количество желающих пообедать в столовой уже возросло до 30 человек, а ужинать готовы были человек 50. Остальные никак не могли восстановиться после шторма. За день с Людой мы посетили все плановые экскурсии на Соловках и получили много новых впе-

чатлений. К вечеру шторм на море стал усиливаться. Катамарану запретили выходить в открытое море. На островах нас не ждали, гостиниц в то время не было. Стало ясно, что ночевать можно только в катамаране с его неудобными сидениями, не приспособленными для длительного плавания или ночевки пассажиров. После недолгой рекогносцировки, мной был обнаружен уютный уголок пола, застеленный ковролином, примыкающий к буфету. К этому времени буфет уже не работал, так как пассажиры смели в нем все, что можно было съесть или выпить. Я достал и расстелил там свой спасательный жилет, под голову положил дипломат, лег и укрылся штормовкой. Получилось довольно уютно и комфортно, почти «купейное нижнее место». Народ сначала смотрел на меня как на ненормального. Правда, продолжалось это недолго. Через 15–20 минут все свободное место вокруг меня было занято такими же «ненормальными», желающими поспать. Второй день на Соловках многие начали с поисков еды. Столовая уже не работала, а в единственном магазине кроме кильки в томате и хлеба ничего не было. У нас же все было с собой в дипломате. Мы с Людой продолжили осмотр достопримечательностей, сходили на Секирную гору, посмотрели, где была школа юнг Северного флота, описанная Валентином Пикулем, погуляли в ботаническом саду. Пассажиры катамарана начали потихоньку звереть. Наиболее горячие поймали и поколотили капитана катамарана, звонили в обком и ЦК КПСС, чтобы их срочно забрали отсюда. Мы тоже позвонили в экспедицию, предупредили, что задерживаемся из-за шторма. Нам пожелали хорошо отдыхать и не волноваться, ведь у нас накопилось много отгулов. Вторая ночь на катамаране ознаменовалась борьбой за лежачие места на полу. К счастью, мы успели их занять и хорошо выспаться. На третий день шторм продолжался. Мы опять пошли самостоятельно осматривать острова. После обеда на рейде появился какой-то большой туристский корабль. Оказалось, это привезли американских туристов. Некоторые из пассажиров нашего катамарана стали строить кроважные планы по захвату американских заложников, надеясь, что в обмен на них их вывезут в Архангельск. Осуществлению этих коварных замыслов помешал капитан нашего катамарана. Он в очередной раз неосторожно

покинул свою каюту и был немедленно взят за грудки разгоряченной толпой. После непродолжительных переговоров, подчиняясь грубой силе, капитан, невзирая на шторм, согласился выйти в море. Обратная дорога до Архангельска оказалась не легче. На набережной, около Архангельского морского вокзала, катамаран встречали санитарные машины. Многих пассажиров выносили на носилках и увозили в больницы. После этого случая, раздутого местной прессой, катамаран сняли с туристской линии Архангельск–Соловки. Оказалось, что он в Норвегии плавал только по внутренним водоемам, а для плавания в открытом море не приспособлен. Мы же получили море впечатлений, пробыв на Соловках целых трое суток, вместо положенных по графику 14 часов. Особую благодарность я получил от своего главного геолога и его жены. Их сын раздумал идти в мореходку. Как нам удалось его от этого отговорить – наша маленькая тайна.

г. Архангельск, 1990

Дина и медведь

Друзьям и коллегам из ГРЭ–32 ННГО

В поисковом отряде экспедиции полевой сезон продолжался практически круглый год. Летний сезон начинался с конца мая и продолжался до ноября, а зимний – с конца января до конца апреля. Зимой мы занимались геофизикой, ставили площадную электроразведку и магниторазведку, а летом шел весь комплекс геологоразведочных работ, характерный для экспедиций 1-го Главка. Совсем немного времени приходилось бывать на базе экспедиции, заниматься камеральной обработкой полевых материалов. Впрочем, практически всю «камералку» мы старались делать в поле. Работать приходилось на больших площадях, преимущественно в центральной Карелии. Особенно много пришлось проводить времени на Заонежском полуострове в Медвежьегорском районе. Объемы работ во времена плановой советской экономики были

очень солидные, расслабляться было некогда. На летний полевой сезон к нам ежегодно на производственную практику приезжали студенты геологи и геофизики из различных геологоразведочных техникумов и институтов. Они помогали выполнять производственные планы и раскрашивали в яркие краски нашу и без того не скучную «полевую жизнь». Работая постоянно в лесу, нам часто приходилось встречаться с различными дикими зверями: лосями, зайцами, лисами, кабанами, медведями. Как правило, у зверей реакция и чутье лучше, чем у человека. Почувяв или увидев человека, звери стараются благоразумно побыстрее скрыться от него. Мы привыкли к таким внезапным встречам и относились к ним спокойно. Ведь у каждого из штатных ИТР ежегодно было как минимум по 2–3 встречи «нос к носу» только с медведями. Этот случай произошел в 1983 году, когда полевой отряд делал геологическую съемку в центральной части Заонежского полуострова. В этом году к нам на производственную практику приехали студенты из Старооскольского геологоразведочного техникума. Часть из них мы задействовали при проведении геофизических работ, а часть ходила с геологами в маршруты в качестве радиометристов. Среди студентов своей внешностью и неумемной энергией выделялась одна девушка по имени Дина. Со стороны ее можно было принять за «ангелочка», но внешние данные и одежда часто бывают обманчивы. Под маской ангела часто таится дьявол или что-то похожее на него. Оказалось, что эта Дина занимается дзюдо, каратэ и другими различными видами боевых искусств. Без регулярных тренировок ей стало скучно и она начала проверять свои спортивные навыки на сотрудниках поискового отряда. Выглядело это следующим образом. Кто-то из ребят после трудового дня с тяжелым рюкзаком возвращался из маршрута в базовый лагерь, намотав 20–30 километров. Вдруг за 100–200 метров от лагеря, что-то внезапно падало на него с ближайшей елки и он оказывался лежащим на земле, лицом вниз, с заломанной за спину рукой, а на нем победно восседала Дина. Причем ей было все равно на кого нападать, будь то начальник отряда, старший геолог или геофизик. Прямо не студентка, а какой-то «Соловей-разбойник». Ни на какие увещевания о том, что девушке надо вести себя прилично,

тем более со старшими по возрасту и должности, Дина не реагировала. Кроме того, она руками ловила змей, учила отрядную кошку ловить мышей, в общем «хулиганила» по полной программе. Изменить ее поведение помог случай. Был теплый солнечный день, примерно середина лета. Дина ходила в маршруты радиометристой с опытным геологом Николаем Ивановичем Батаниным. В одном из маршрутов, когда геолог отбирал пробы и зарисовывал в пикетажку коренные выходы пород, с другой стороны горки на расстоянии 10–15 метров от маршрутной пары появился медведь. Николай Иванович, Дина и медведь увидели друг друга одновременно. Правило о том, что у медведя реакция быстрее, в данном случае не сработало. Дина со страшными криками и напуганный этими воплями медведь бросились бежать в разные стороны, причем скорость Дины была в 3–4 раза быстрее, чем у медведя. Николай Иванович оказался с самой худшей реакцией, он не успел испугаться и никуда не побежал с точки наблюдений. Потом он часа два безрезультатно искал Дину в лесу. Пришлось ему досрочно прервать маршрут и возвратиться в базовый лагерь. Срочно были организованы несколько поисковых групп, укомплектованные опытными полевиками, сигнальными ракетницами, ружьями, аптечками. После продолжительных поисков одной из групп поздно вечером удалось найти Дину в ближайшей деревне, которая находилась в 16 километрах от места встречи Дины с медведем. Дина представляла собой жалкое зрелище, а гильза ее радиометра очень напоминала большую пружину. Погнуть так гильзу радиометра практически невозможно, но каким-то образом, во время кросса по лесной, пересеченной местности с рекордной скоростью, Дине это удалось. Смотреть без смеха на зареванную, поцарапанную, в разорванной одежде, всю дрожащую, со сломанным радиометром «самую крутую девчонку» было нельзя. Многие, шутя, задавали ей вопрос, почему она в лесу бросила своего геолога, а не попыталась его защитить от медведя? Дина вся дрожала от страха, ревела и не выходила из своей палатки ровно сутки. Потом она начала приходить в себя. Но при любой ее попытке опять «похулиганить» мы быстро ставили ее на место, объясняя, что сейчас позовем знакомого медведя для ее воспитания. Остаток своей производственной

практики Дина вела себя вполне прилично, напрочь забыв про свой имидж «крутой девчонки».

На следующий год к нам на производственную практику снова прислали несколько студентов из Старооскольского геологоразведочного техникума. На наш вопрос «Знаете ли вы Дину Соловьеву?» – все ответили утвердительно и рассказали, что это была первая хулиганка у них в городе, но теперь остепенилась и даже вышла замуж. Мы, в свою очередь, рассказали новым студентам как «мишутка» повлиял на воспитание Дины и помог ей повзрослеть.

Карелия, п. Чебино, 1983

Участок «Яндомозеро»

Поисковому отряду много приходилось работать на Заонежском полуострове. В один из летних полевых сезонов небольшой части нашего геофизического отряда, состоящей из трех инженеров-геофизиков и одного рабочего, предстояло сделать «десяти тысячную» магниторазведку и электроразведку на участке площадью 15 квадратных километров под названием «Яндомозеро». Участок краем примыкал к этому озеру и тянулся в сторону деревни Усть-Яндома. Места там очень красивые и практически безлюдные. Проехать туда можно только на вездеходной технике в сухое время года. Нас забросили на место стоянки на автомашине ГАЗ-66. Изредка нам подбрасывали продукты и передавали приветы. Базовый лагерь мы поставили на берегу озера. Наш маленький отряд состоял из меня, Александра Бородушкина, Владимира Емельяненко и рабочего Коли, случайно попавшего на работу в геологическую партию. Впервые попав в лес, Коля всего страшно боялся. Ему везде мерещились змеи, медведи, различные опасности. Иногда это сильно утомляло. Слышать от него каждый день, что в лагере вокруг наших палаток ползают многочисленные змеи, которые пытаются забраться внутрь палаток и в спальные мешки, надоело уже на третий день. Мы старались не обращать внимания на Колины ежедневные причитания по этому поводу. Примерно через две недели после начала обработки

этого участка я проснулся рано утром. Был сезон белых ночей. В палатке было светло как днем. Всем телом чувствовалась какая-то опасность. В спальном мешке, где я нежился перед подъемом, кто-то ползал по мне. Я замер и почти не дышал. После Колиных ежедневных рассказов о змеях в голову не приходило ничего другого. Оставалось, замерев, ждать, когда живность выползет из спальника. Время словно остановилось. Боясь пошевелиться, я прикидывал варианты своих действий после того, как змея выползет из моего спальника. В это время кто-то уже проснулся в соседней палатке и начал готовить завтрак. Я лежал с открытыми глазами и к своему огромному удивлению увидел, как из моего спальника медленно выползают две мыши-полевки вместо ожидаемой змеи. В другой соседней палатке находился продуктовый склад и любимое место сбора всех окрестных мышей. Мгновенно выскочив из спальника, я пытался их безуспешно поймать и уничтожить, чтобы отомстить за все перенесенные страхи. Позже досталось и Коле за паникерство. День начинался с приключений. При проведении электроразведочных работ методом СГ (срединного градиента) одному из нас ежедневно приходилось заранее отправляться к месту, где постоянно находилась аппаратура, подключенная к питающей линии АВ. Необходимо было прогреть и откалибровать приборы перед началом работы для двух маршрутных пар. Подход был более трех километров по лесной дороге. Дорога периодически проходила сквозь многочисленные длинные узкие лесные поляны, заросшие высокой травой. Раньше это были прекрасные сенокосы. В этот день дежурным оператором был я. После плотного завтрака быстрым шагом я отправился запускать генератор. Возникшее с утра чувство опасности не отпускало. Создавалось впечатление, что кто-то за мной следит и идет по следу. Предчувствие меня не обмануло. Проходя по дороге, идущей через центр поляны, я увидел, что по краю поляны параллельным мне курсом движется в высокой траве большое темное пятно. Приглядевшись внимательно, я разглядел довольно крупного медведя. Надо сказать, что практически весь участок работ представлял собой сплошной малинник, по которому гуляла парочка взрослых медведей и два небольших годовалых медвежонка. Периодически мы с ними пересекались во время работы или на отдыхе. Медведи

очень любопытные животные, любят за всем наблюдать. В данный момент любопытство взрослого медведя было мне совсем не к чему. У меня с собой не было никакого оружия. Как назло, в кармане даже не оказалось перочинного ножа или какого-нибудь инструмента. Я увеличил скорость своего движения, медведь не отставал и шел параллельным курсом, наблюдая за мной. Добравшись до палатки с аппаратурой, я почувствовал себя гораздо уверенней. Медведь застался невдалеке. Через час ко мне подошли остальные ребята, и только тогда медведь прекратил наблюдать за нами и отправился по своим делам в лес. Я рассказал о своей совместной с медведем «прогулке». Все посмеялись, но на этом наши приключения с медведями не закончились. С этого дня медведь стал ежедневно провожать оператора, шедшего первым прогревать и калибровать аппаратуру. Володе Емельяненко надоело каждый день делать подходы до места работы от базового лагеря по 3 километра в сопровождении медведя. Как-то он решил заночевать в аппаратурной палатке, чтобы зря не тратить силы перед работой. Все остальные вернулись в лагерь. Вечером Володя решил приготовить себе на ужин гречневую кашу с тушенкой. На вкусные запахи из леса подтянулся уже другой медведь. Раньше он ходил за топографами, наблюдая за их работой в лесу. Кое-как криками и громкими шумами Володе удалось отогнать медведя от палатки. Кому хочется делиться своей пайкой? Правда, до утра Емельяненко мучала бессонница, опять же аппетит был слабее обычного. На следующую ночь Володя вернулся со всеми в базовый лагерь, чтобы больше не дразнить медведей. Через день мы устроили себе выходной. Каждый занимался чем хотел. Володя взял трехлитровую банку и пошел собирать малину на ближайшую горку. Вокруг были сплошные заросли, все вокруг было усеяно малиной. Банка быстро наполнялась. Когда Володя подобрался к самой вершине, с другой стороны горы на него вышел «знакомый» медведь. Тот тоже собирал малину на своей территории. Володя не растерялся, схватил в охапку свою трехлитровую банку с малиной и рванул на полной скорости в сторону лагеря. Медведь решил с ним не связываться и побежал в обратную сторону. Вечером мы пили чай с малиновым вареньем, приготовленным из малины, спасенной от медведя. Володя ходил героем. Так незаметно пролета-

ло лето в суровой мужской и медвежьей компании. Без женского общества мы потихоньку дичали. Особенно это проявилось ранним августовским утром. Мы проснулись, каждый занимался своим делом. Володя Емельяненко ушел по берегу озера от лагеря, чтобы принять водные процедуры. Для этого он ежедневно выстраивал из прибрежных валунов причал, который сразу после умывания зачем-то опять разбирал. Повторялся этот ритуал каждый день. На это у него уходило море драгоценного времени, которое мы могли бы с большей пользой использовать для работы. Этими своими необъяснимыми, крайне медлительными действиями Вовочка доводил нас до белого каления, но торопить его было бесполезно. Мы втроем сидели на различных местах и завтракали. Я был ближе всех к берегу озера. Картинка напоминала кадры из кинофильма «Синьор Робинзон», когда Робинзон сидит на берегу необитаемого острова и смотрит ежедневный фильм «Опять море». Перед моим взором были бескрайние водные просторы Яндомозера. Неожиданно картинка стала меняться. Из ее угла появились чьи-то загорелые ноги и край платья из ткани в горошек. Поскольку у меня голова была наклонена к тарелке с едой, то появившийся силуэт или мираж я мог видеть только ниже пояса. Мгновенно в голове включился компьютер и выдал следующую информацию: «Вовочка Емельяненко умывается, у Бородушкина не было платья в горошек, чтобы меня разыграть, а Коля бы не додумался до такой провокации». Ответа на поставленный вопрос: «чьи ноги и платье?» не было. Через некоторое время я сообразил, что можно поднять голову от тарелки и увидеть всю картинку. Оказалось, что вдоль берега Яндомозера по воде шла девушка в ситцевом платье в горошек. Откуда и куда она шла непонятно, но ход моих мыслей немного напугал. Я даже мысли не допускал в тот момент, что кроме нас в этом месте кто-то еще может оказаться, особенно представители женского пола. Пора было возвращаться в цивилизацию, чтобы совсем не одичать. Через неделю мы закончили отработку участка «Яндомозеро» и переехали на следующий. Но забыть «ежедневные прогулки на работу в сопровождении медведя» и другие приключения этого периода не удалось до сих пор.

Карелия, Яндомозеро, 1982

Удачная сделка

В этот полевой сезон наш отряд работал на Заонежском полуострове. Базовый лагерь находился в поселке Тамбицы, где кроме нас проживала всего одна семья. Остальные жители поселка, после закрытия в нем лесопункта, переехали в другие более обжитые и перспективные места. Добираться до Тамбиц было возможно только на отрядных ГАЗ–66. Другая техника по тем лесным дорогам не ходила. Ближайшим населенным пунктом к нашей базе был поселок Типиницы, находящийся от нас в 20 километрах. В конце августа туда на уборку картошки привезли 80 студенток Петрозаводского медицинского училища в возрасте от 17 до 25 лет. Узнав об этом, наши студенты-практиканты и часть молодых топоробочих попросили свозить их на выходные в Типиницы на дискотеку. Там еще работал клуб (его открывали для приезжих студентов), но уже был закрыт магазин и собирались закрывать почту. Местных жителей было несколько десятков. В основном это были пенсионеры или работники совхоза «Прогресс». За продуктами и промтоварами им приходилось ездить в другую соседнюю деревню В. Нива, находящуюся более чем в 20 километрах. Наш штатный отрядный водитель Сергей Горячев отпросился на выходные, уехал к семье в Медвежьегорск. Вахтовка и бортовой ГАЗ–66 одиноко стояли во дворе. Поскольку у нас на кухне заканчивалась картошка, а макароны всем давно надоели, мы решили совместить поездку на дискотеку и поездку за картошкой. Желающих хорошо провести свободное время в женском обществе набралось достаточно много. Салон вахтовки заполнился мгновенно. Никого не пришлось уговаривать или подгонять. Мне, как старшему, пришлось выполнять обязанности водителя. В Типиницах я сначала остановил машину около Дома культуры, чтобы выгрузить всех желающих повеселиться на дискотеке. Затем поехал ставить машину к единственному освещенному месту в деревне. Оказалось, что это была кухня-столовая, где питались студентки медучилища. Едва успев вылезти из кабины, я был окружен плотным кольцом студенток. Они все говорили одновременно и явно чего-то хотели от меня. Пришлось призвать их к тишине, по-

просив высказываться по очереди. Похоже, у них были серьезные проблемы. Оказалось, что практически все студентки курят, а магазин в поселке закрыт и спичек ни у кого нет. Я неудачно пошутил, сказал, что спички всем нужны, что курить вредно, особенно таким молодым и интересным. Кольцо вокруг меня неумолимо сужалось. Неизвестно чем это могло закончиться. За коробок спичек девчонки готовы были на все. Тогда я быстро сменил тему разговора и сказал, что мне для счастья на отрядную кухню не хватает пару мешков картошки. Не успел я произнести эти слова, как студентки открыли дверь салона вахтовки и закинули туда два огромных мешка отборной совхозной картошки. Пришлось искать в своих карманах спички. Их там не было. Ведь перед поездкой я переоделся. Спички остались на базе в полевой форме. Ситуация осложнялась. Вечер переставал быть томным. На мое счастье, к нам подошел кто-то из наших ребят. Я отобрал у него коробок спичек и отдал девчонкам. Их радости не было предела. Они просили приезжать к ним почаще и привозить моих ребят. Поздно вечером мы вернулись в Тамбицы. Выгружая из вахтовки мешки с картошкой на кухню, меня спросили, за сколько я купил два мешка картошки? Я гордо ответил – за коробок спичек. Не знаю, что это было – натуральный обмен или зачатки рыночной экономики. Мне позже неоднократно доводилось подписывать деловые контракты со многими нулями, но, как первая любовь, наивная и смешная, история этой сделки осталась навсегда в моей памяти.

НЛО

До 1984 года я не верил разным рассказам в средствах массовой информации про летающие тарелки и инопланетян. Считал это рекламным ходом для поднятия тиражей и рейтингов. Полевой сезон в Заонежье на участке «Тявзия» изменил мое мнение по этому поводу. Наш поисковый отряд изучал северную часть Тамбицкой складчато-разрывной зоны. Происходило это сразу после отработки нами участка «Медные Ямы», ставшего впоследствии знаменитым из-за уникального уран-ванадиевого месторождения «Средняя

Падма». От новой площади мы ждали новых интересных находок и результатов. Базовый лагерь отряда стоял на южном берегу Падозера. Отработка участка шла ударными темпами. Из-за отсутствия на участке выходов коренных пород и большого количества мелиоративных сенокосных полей вместо густого леса, геологи делали свои маршруты довольно быстро. Геофизики не отставали от геологов, хотя объем работ у них был как всегда запредельным. При этом геофизики успевали обрабатывать полевые материалы, воспитывать студентов-практикантов и ночи напролет играть в преферанс. Ведь в геологической среде не зря бытует широко распространенное мнение, что геофизиков выпускают из горных институтов и вручают им дипломы только после того, как они научатся играть в преферанс. Любовь к преферансу они проносят через всю свою жизнь. Еще одним развлечением геофизиков была охота. Когда на кухне заканчивалось мясо, Андрей Головки вместе с водителем Сергеем Захаровым на отрядном автомобиле ГАЗ-66 отправлялись на охоту. Через час они привозили мешок зайцев, которых в тех местах водилось немерено, как кроликов в Австралии. Вместо традиционных макарон с тушенкой, в том году на отрядной кухне фирменным блюдом было «жаркое из зайчатины по-заонежски». В один из теплых августовских дней мы рано закончили работу и собрались на берегу озера. Ярко светило солнце. Было нас человек восемь. Сначала говорили о работе. Затем перешли на тему космоса, других цивилизаций и НЛО. Большинство из нас сходилась во мнении, что никаких летающих тарелок и инопланетян не бывает. Видно, мы сильно громко спорили, а кто-то на небесах нас в этот момент внимательно слушал и был не согласен с нами. Когда наш спор достиг апогея, инопланетяне решили предъявить свои козыри. Внезапно на голубом безоблачном небе со стороны п. Толвуя появилась классическая «летающая тарелка» оранжевого цвета. Она стремительно и бесшумно двигалась в нашу сторону. Долетев до места нашего лагеря, «тарелка» зависла над нами. Мы замерли и потеряли дар речи. Было впечатление, что нас просто парализовало. Может быть, в это время обитатели «тарелки» сканировали с нас информацию. Сколько это продолжалось, никто не запомнил, может несколько минут, может час. Затем «летающая тарелка» так

же безшумно и стремительно двинулась в сторону Петрозаводска. Хорошо, что никого из нас инопланетяне не забрали с собой. Через некоторое время к нам вернулась возможность двигаться и говорить. Мы начали обмениваться своими впечатлениями. Теперь уже никто из нас не сомневался, что НЛО и инопланетяне существуют. На следующий день в республиканской газете «Северный курьер» была заметка, что эту же «тарелку» видели и другие жители Карелии над Онежским озером, Заонежским полуостровом и в Петрозаводске. С тех пор, когда кто-нибудь говорит в моем присутствии, что НЛО и инопланетян не бывает, я всегда рассказываю эту историю. Хотите верьте, хотите нет, но когда я попробовал этот рассказ набрать на компьютере, у меня начались проблемы. До этого безупречно работавший компьютер (в этот вечер я набирал несколько рассказов), стал «глючить» и отказывался выполнять мои команды. Создавалось впечатление, что кто-то невидимый сверху внимательно следил за моими действиями и корректировал текст. Наверное, чтобы я не написал ничего лишнего про НЛО и инопланетян. Когда я закончил писать этот рассказ, компьютер сразу заработал в нормальном режиме.

Дорога к дому

Обязанности шеф-повара у нас в полевом отряде часто исполнял один из самых опытных «бичей» Валера Мацегоров. Про Валеру и его приключения можно было написать не одну книгу. Когда-то в другой жизни Валера работал майором милиции, жил с семьей в Москве. Потом жизнь его сильно потрепала, семья распалась, запил, бросил работу. В Карелии он случайно попал в геологию. Работал топорабочим, копал канавы и шурфы, был геофизрабочим, выполнял обязанности повара, периодически уходил в запои. Еще он обладал хорошим чувством юмора и находчивостью. На участке «Тявзия» в одни из выходных Валера отпросился в отгулы. Ему необходимо было съездить в Медвежьегорск, отдохнуть, в смысле – попить водки. К вечеру воскресенья он должен был самостоятельно вернуться в лагерь. От лагеря до шоссе на В. Губу, по которой

ходил рейсовый автобус, было около девяти километров. Причем эта грунтовая полевая дорога с множеством развилок пролегла по многочисленным мелиоративным полям и перелескам. С обеда в воскресенье на улице зарядил сильный дождь. Переделав все текущие дела, ИТР собрались к вечеру в одной из палаток на традиционный преферанс. К контрольному времени в 10 часов вечера Валера не появился. Пришлось назавтра назначать нового дежурного по кухне. Мы подумали, что Валере не хватило двух дней, чтоб как следует отдохнуть, расслабиться и выпить всю водку в городе. Небо было плотно затянуто тучами, проливной дождь лил как из ведра. В двух шагах не было ничего видно. Игра в преферанс затягивалась. Было около трех часов утра. Неожиданно полог нашей палатки приоткрылся и что-то грязное и мокрое клубком вкатилось через порог. Это был в стельку пьяный и счастливый Валера Мацегоров. Пролепетав: «начальник, я вернулся!», он тут же вырубился и заснул около печки молодецким сном. Было непонятно, как в кромешной тьме, без фонарика, под проливным дождем, в состоянии сильного алкогольного опьянения, можно было преодолеть сложный путь около девяти километров. Практически любому здоровому и трезвому человеку это бы оказалось не по силам. Ответил на этот сложный для всех вопрос сам Валера на следующий день. «Элементарно, начальник. Ведь я дал слово вовремя вернуться из отгулов. Я просто на карачках полз по дорожной колее девять километров, а когда дорога разветвлялась, выбирал, где глубже колея. Так и дополз до лагеря». Вот такие ответственные и находчивые кадры у нас работали.

Байка первая: **Черная икра**

Лето 197... г. Полевой отряд. Сообщение с базой – только вертолетом. Во время очередного сеанса связи нам сообщают, что запрещено заказывать по связи продукты открытым текстом, только по кодам, которых пока нет. А кушать-то хочется, а хлеб кончился. Как быть? Коллектив дает начальнику отряда наказ: говори по связи что хочешь, но чтобы хлеб был. Утром, во время сеанса связи из палатки начальника слышим его голос: «база, прими заявочку: **не на что мазать черную икру**». Днем прилетает вертолет с хлебом, и командир вертолета кричит из кабины: меняем два мешка хлеба на килограмм черной икры.

Байка вторая: **Про спальник**

Преддипломная практика, Дальний Восток. Устроился к нам на работу в полевой отряд каюром мужик с Украины, тучный такой дяденька. С лошадьми работал всю жизнь, в поле не работал ни разу. И ни разу не спал в спальниках. Жил он с нами в одной палатке, вставал раньше всех, чтобы подготовить лошадей, и каждое утро, сквозь утреннюю дрему мы слышали его стоны и пыхтение, когда он выбирался из спальника и одну и ту же фразу: «Як вони в них спят!». Однажды я проснулся раньше обычного и увидел, как происходит этот процесс: сначала спальник нашего каюра заходил ходуном, затем из него последовательно стали появляться: сначала волосатые ноги нашего каюра, затем его, извиняюсь за выражение, ж., затем все остальное, и прозвучала знакомая уже фраза: «Як вони в них спят!?».

А теперь байки про медведей.

Байка первая: **Мишка и вертолет**

Дальний Восток. Ребята с вертолета увидели бегущего внизу медведя и решили его подстрелить. Снизилась, пальнули пару раз из карабина – и мишка упал без чувств.

Посадили вертолет неподалеку, схватили ножи и понеслись раздывать Топтыгина, но как только воткнули в шкуру нож, произошло непредвиденное: мишка очнулся. Ребятки – бегом к вертолету, мишка потихонечку – за ними. Первым бежал вертолетчик, за ним – техник-геолог, но у самого вертолета техник вырвался вперед и почему-то (видимо со страху) начал ломиться в кабину – к штурвалу. Вертолетчик сзади схватил его за шиворот, пытаясь отпихнуть и прорваться к штурвалу, и услышал истошный голос перепуганного на смерть парнишки: отпусти, не я стрелял!!!

Байка вторая, **самая короткая**

Дело было в Карелии, в конце 70-х годов. Пошел я как-то в маршрут. А медведя не встретил. Вот.

Байка третья: **Маша и медведь, или 0 пользе мата**

Дальний Восток, полевой отряд. Была у нас в отряде девочка – Дюймовочка, практикантка, очень интеллигентная девочка. Однажды в ее присутствии кто-то ругнулся матом, так девочка (а звали ее Маша) чуть в обморок не упала, после этого даже наши рабочие при ней матом ругаться боялись. Пошел как-то наш начальник отряда Толик в ближайший поселок разведчиков по делам, и Маша с ним напросилась. А идти надо было 7 км по тайге. Идут они с Машей по таежной тропе, тишина, покой, птички поют, и вдруг на тропу перед ними вываливается медведица с медвежонком. У Машеньки с перепугу глаза в три раза больше стали, вот-вот побежит со страху, и тогда – конец, медведица кинется на них. Тогда Толик осторожно

берет Машу за руку и шепчет ей: Машенька, ты не бойся, просто поругай медведицу как следует и она уйдет. И тут наша Маша стала крыть таким трехэтажным матом, что Толик про медведицу-то и забыл. Когда вспомнил – медведицы и медвежонка и след простыл. Вот так-то.

Истории, рассказанные у костра

Да простят меня читатели за банальный с точки зрения любого полевика заголовок, но именно так все и было.

Минувшим летом занесла меня нелегкая, а говоря по-простому, судьба геологическая, далеко от карельских озер, на самый север Читинской области. Занимались мы наземной проверкой аэроаномалий. Работа как работа – забросили бортом, отработал участок – забрали, и так все лето. Места там потрясающе красивые, но суровые, если горы закрыло – сиди, кукуй, считай продукты, жди погоду. В общем, все как обычно, когда заброска только воздухом. Вот так в последний из забросов мы и «зависли» почти на две недели. Компания подобралась классическая – трое молодых ребят и четыре старых полевика с общим полевым стажем за сотню лет. Продуктов при экономном подходе оставалось на десять дней (банка тушенки в день на семерых), дров было полно, рыба не клевала, ружья у нас не было, окрестности мы все облазили, еще работая, поэтому оставалось только одно – сидеть у костра и травить эти самые байки, особенно по вечерам. Как-то так всегда получается, что истории эти сами по темам группируются: про работу, про рыбалку и т. п. Каждый вечер – своя тема. Вот некоторые я и хочу вспомнить. Чужие пересказывать не буду, блюда интеллектуальную ответственность, а свои попробую.

Истории медвежь

Сами понимаете, это классика всех баек. Я хвастаться не буду, за свою геологическую жизнь непосредственно, лицом к лицу, точнее морда к морде, с медведем встречался всего один раз, да и то не в Карелии, а на Охотском побережье, но вот «почти» встречался – это было, и не раз. Вы спросите, как это – почти? А вот так.

Работали мы в Заонежье. Круглогодичная партия, бурение. Выходной день, начало апреля. Часов восемь утра, легкий заморозок, но уже солнце, настоящая весна. И пошел я прогуляться. Кто в Великой Губе бывал, знает, что на въезде в нее есть поворот через мост в больничный поселок. А почти сразу за мостом направо уходила лесная дорога, идущая через лес и вырубки на дорогу в Ламбасручей. Если по ней пойти, то получался кольцевой маршрут километров 10–12. Вот туда я и направился. Весна, солнце, небо голубое, дорога песчаная, уже без снега, луж тоже не очень много – в общем, сплошное удовольствие. Иду, насвистываю по вредной привычке, по сторонам глазею. И вот где-то на середине пути, не доходя старых вырубок, вижу свежую лесосеку. И какая-то на ней новая лесорубная техника стоит, отдыхает. Свернул, посмотрел, поудивлялся – придумают же люди – и назад, на дорогу. А она как раз в этом месте поворот делает, и что за поворотом – не видно. Прохожу я этот поворот и мороз по коже. На плотном сыром песке дороги сразу за поворотом – четкие, каждый коготок видно, медвежьи следы мне навстречу. Размер – в полтора моих сапога. Шел мишка мне навстречу, и не миновать бы нам нос к носу на этом повороте столкнуться, да видно, я каким-то железом на лесосеке громыхнул, а может и свист помог, только свернул он резко в лес и скачками, по следам видно, ушел в сторону.

С тех пор не верю я, когда мне говорят, мол, не свисти, денег не будет.

И еще про Заонежье. Уже другая весна, март месяц, наст даже в лесу как асфальт, только неглубокие отпечатки от следов остаются. Очередной объезд буровых, в районе бывшей деревни Кибитка. Моя задача – посмотреть ситуацию на скважинах, вынести на профиле новые точки. Приехали на первый агрегат. Вахтовка – у вагончика, а я, посмотрев керн и захватив пару заготовленных реперов, сначала по прорубленному топографами профилю выхожу на проектные точки, ставлю колы на одной и на другой, а потом бодро топаю напрямую через лес по насту на соседнюю, километрах в полутора стоящую, буровую. Через полчаса, может быть, чуть больше, по своим же следам возвращаюсь назад. И что вы думаете? Вокруг каждого выставленного мной репера прямо поверх моих

следов – четкие отпечатки медвежьих лап. Ходил мишка, номера скважин читал. До вахтовки я добежал, врать не буду, ну о-очень быстро. Сами понимаете, какое у медведей по весне настроение бывает.

А вот осенью – совсем другое дело. Работаем мы на речке Паже, рубим профиля, готовим детальный участок под геофизику. Времена «веселые», девяносто пятый год, в кои-то веки дали денег на работы. Сентябрь месяц, осень теплая, брусники – море. И вот замечаем мы, что на наших профилях недорубленных кто-то еще работает. Идешь по прорубленной части и видишь, что почти над каждой затеской, но всегда выше, еще затески стоят. Сразу не сообразили, а когда «кучу» медвежью на профиле увидели, то поняли, что это он метки ставит. Решил, бедолага, что конкурент на его территорию забрел, вот и старается свои метки выше его поставить, чтобы показать, что он здоровее. Так и ходил по участку, пока мы работу не закончили, но на глаза ни разу не попался. Как он от переживаний с ума не сошел, не представляю, ведь сплошные метки кругом стояли, профиля-то через сто метров друг от друга. Можно только посочувствовать.

Истории геологические

Вторая извечная тема – работа. Тут вариаций много, но я хочу рассказать о приметах. Приметах особых, чисто геологических. Так уж сложилось, что большую часть своей геологической жизни я провел в круглогодичной экспедиции, экспедиции 32 «Невскгеологии». Работали мы много, на нашем счету и знаменитая Средняя Падма вместе с другими месторождениями и проявлениями этого типа, и Карку, и Педролампи. И вот хотите – верьте, хотите – нет, но за эти годы мы заметили: если на календаре канун праздника или праздник и при этом скважина последняя на профиле или вообще на участке и его закрывают по причине безнадежности, обязательно будет руда, причем хорошая. Так было и на Космозере, и на Карку, и на других объектах. Последний такой случай произошел где-то лет пять назад.

Работал у нас молодой специалист, геолог. И вот в канун тогда еще отмечавшихся революционных праздников поставили его дежурить по участку. В ночь предстояло закрытие скважины, последней на профиле. Сразу после праздников планировалось совещание, на котором должны были эти работы прикрыть, так как серьезных результатов не было. Собирается человек дежурить, я его наставляю на путь истинный. Говорю: «Поедешь на каротаж, радиометр захвати, керн промеришь, руда будет». Он смеется: «А Вы откуда знаете?». Объясняю: «Скважина последняя, участок закрывают, праздник на носу – обязательно руда будет, все приметы сходятся». Посмеялись и разошлись. Где-то в 5–6 часов утра просыпаюсь от стука в окно. Стоит за окном наш дежурный, глаза от удивления круглые. Спрашиваю: «Что случилось?». А он мне в ответ: «А как Вы угадали, что руда будет?!». Пришлось снова про приметы повторить.

А работы еще на полгода продлили, рудопроявление получилось вполне симпатичное.

Курсы радистов

Я вам, граждане, хочу сразу сказать, что курсы радистов – это не хухры-мухры, а курсы радистов. На них ведь как? Глухого или тем более немного не отправишь. А то ведь скажешь ему:

– Передай, голубчик, по рации, что геологам завтра сосиски подвезут. А он передаст, что квартиру чью-нибудь обокрали. Или скажешь:

– Передай, дорогуша, что завтра тем же геологам еще и ящик водки подбросят.

А он ляпнет:

– Наши доблестные войска освободили город Кенигсберг.

Или еще хуже – только промычит что-нибудь в микрофон. А курсы радистов должны быть курсами радистов, ведь это же курсы радистов... А вообще-то ничего особенного: наушники надел и спишь...

Так вот, многих у нас из конторы на эти курсы отправляли, а теперь решили Сеню Рака отправить. И все бы ничего, если бы Сеня этим самым глухим и не оказался! Ну, то есть Совершенно! Правда, различает так немного голоса какие-то далекие. Если ему в ухо воронку вставишь и орать в нее будешь. А его на курсы радистов... К тому же у Сени Рака и крыша была немного съехавши. Подойдешь к нему, спросишь: «Пойдешь на курсы радистов?» – а он тебе по башке хрясь молотком и смотрит. На твою реакцию. Он и молоток потому всегда за пазухой носил. Реакцию у нас всех в конторе время от времени проверял... Сволочь! А его на курсы радистов. Знаете, он вначале-то и не врубился, куда его посылают, глухой ведь как... прости, Господи. Он подумал, его за поллитром посылают! Головой сразу закивал, заулыбался беззубым ртом. Это уже потом только, когда ему в ухо насильно воронку воткнули и гаркнули в нее что-то неприличное, до него доходить стало, что от него требуется.

Уж как он там, бедолага, дорогу перешел к пункту сбора будущих радистов и не попал под машину – до сих пор у нас в конторе никто

понять не может. Потому как на одной ноге попробуй через дорогу перейти! Ничего не слыша. Вообще-то я так понимаю, он потому под машину и попал, что, наверно, все равно надеялся, что его за бутылкой послали!

И вот, представляете, только Сеня дорогу перекалдыбал на одной своей ноге, как тут же зачем-то и нагнулся возле поребрика. А у нас, у соседки бабы Гали, знаете ли, баран есть, смерть какой бодучий! Этого барана хлебом не корми, дай только боднуть кого-нибудь. И вот видит этот сволочной шашлык перед собой Сенин одинокий зад! И, конечно, долго не раздумывая, сразу же берет разбег от заборчика, а потом со всего маху как врежет Сене пониже спины! Сеня Рак как был нагнувшись – так нагнувшись и полетел в навозную лужицу! Умрешь со смеху!

У нас в конторе сразу стишки по этому поводу сочинили:

Что глядишь на Бубку гневно?

Прыгай Раком ежедневно!

Ясное дело, Сеня испачкался в лужице, ведь не видел ни хрена... куда плыть надо... И, понятное дело, как только завалил в секретариат радистов с навозными ушами, секретаршу чуть кондрашка не схватила! А Сеня стоит на одной ноге, улыбается от чистого сердца. Бутылку ждет. А секретарша ему:

– Вы, гражданин, не лыбтесь! Вы не куда-нибудь, а на курсы радистов пришли!

Так и сказала. Честное слово! Можно сказать, выдала государственную тайну.

Вообще-то, Сеня все равно ничего не слышал. Да и не видел ничего. И уж наверняка вряд ли чего понял. Дурак ведь, чего с него возьмешь? «Мы-мы...» – мычит, бестолочь немая. А его на курсы радистов... А чего? Больше-то некого было отправлять на эти курсы. Раньше-то эвон какие командировочные платили! И все шли. А сейчас – тьфу, а не командировочные, ни одну собаку на курсы радистов не отправишь. С такими командировочными сходить раз в столовую, да пару раз в туалет платный. А не на курсы радистов.

А знаете, в этой истории что самое забавное? На эти курсы теперь меня отправляют... Только я что, дурак что ли? Я лучше пойду помбуром в бригаду Бодрякова...

Калоши

Эта странная и, я бы даже сказал, невероятная история случилась на краю земли, в заброшенном полевом геологическом поселке Камешки, население которого составляли в основном геологи, примкнувшие к нам, а также собаки и т. д.

Бюджетные деньги накрылись, а искать работу на стороне... Так ведь это ж надо искать, а кто пожалеет меня «любимого»?

Короче говоря, со временем геологическая жизнь в поселке зажерела и потекла тонким хмельным ручейком...

Пришлось перейти на «подножный корм»: летом – ягоды, грибы, рыба, а зимой... А зимой наловчились вырезать калоши из старых автомобильных камер. Конечно, калоши – не лопий. Но деньги давали реальные.

Резали калоши всем поселком. И, надо признаться, у геологов калоши выходили куда как лучше, нежели калоши у технического персонала (сказывалось высшее образование). А некоторые умельцы, тот же Петрович, основатель работ, ухитрялись вырезать из автомобильных камер и другие вещицы народного потребления, например, те же презервативы увеличенного размера.

Но дело это было мудреное. Новое. К тому же презервативы выходили грубовато-вонючие. И, самое смешное, после их напяливания почему-то сразу напрочь исчезал интерес к обнаженной женщине, но смертельно хотелось встать на четвереньки, взять детскую машинку и губами делать вот так вот – долгожданное – «тр-р-р!».

В общем, калоши – калошами, но здесь была одна загвоздка: эти проклятые калоши никому не были нужны!

Со сбытом калош была беда!

Стояла теплая осень. Пели редкие птички. Вечерело. Долговязый Леха, один из долгожителей поселка, направлялся к Петровичу. Надо было проведать основателя работ.

Слева от дороги чернела скособоченная дробилка, справа – живыми огоньками теплилась контора. На пьяных столбах тут и там висели портреты кандидатов в депутаты. На главном столбе висел Главный депутат – Немедов с призывом: «Вы мне – победу на выбо-

рах, я вам – (неразборчиво)». Под портретом детской ручкой было начирикано «хрен тебе в... (неразборчиво)».

Желтая промокашка пляжа и тельняшка березовой рощицы были изрезаны битыми бутылками и пустыми банками «Безизаны» и «Бледины».

«Да, – подумал вслух Леха, – жизнь дала трещину и стала похожа на задницу!». Он с силой врезал ногой по белозубой пасти арбуза, раздавленного в грязи, и сплюнул.

В окнах Петровича света не было. Леха толкнул плечом дверь и!.. То, что случилось дальше, многим может показаться неестественным, ибо такое может пригрезиться человеку только с большим воображением или человеку с больной головой...

Посреди избы, в полумраке, за столом, за бутылкой макаревического «Гаранта», опутив лохматую голову, сидел бухой Петрович. А напротив его сидело зеленоватое полупрозрачное существо. На первый взгляд, существо было как бы и человек, но это был не человек. Вместо головы у существа был прозрачный треугольник, по граням которого туда-сюда бегали разноцветные огоньки. Вместо рук и ног у существа торчали стальные пружины от старого дивана, на концах которых дрыгалось что-то вроде пары Чупа-Чупсов... Само тело существа было как бы человечье, а с другой стороны, и не человечье, ибо спереди оно было Кристина Орбакайте, но сзади – вылитый Борис Моисеев...

Существо на табуретке судорожно дергалось, переливалось и сердито булькало, обращаясь к Петровичу:

– Верни аккумулятор взлета!

Рядом, на полу, среди окурков, валялось другое, видно совсем уже пьяное зеленоватое существо. Но, очевидно, существо это было женщина, ибо у него-нее было как бы все наоборот, то есть, там, где должна была быть голова, была попа. Другими словами: там, где должна была бы быть Кристина Орбакайте, виднелся Боря Моисеев!

– Верни аккумулятор взлета! – булькало существо на табуретке.

– Да не брал я твой аккумулятор! – в свою очередь отнекивался Петрович. – Вот, знакомься! – заметив Леху, мотнул он лохматой башкой, – мармюдоны. Мать их... Приземлились на мою картофельную грядку. Уж я их гоняю-гоняю!

Леха подошел к столу, хотел что-то сказать, но в это время по краю стола побежал рыжий огромный таракан, и Леха машинально выхватил из кармана калошу и смачно прихлопнул ею усача.

Бульканье за столом сразу же прекратилось. Существо осторожно взяло из рук Лехи калошину и стало ее внимательно рассматривать. Потом оно толкнуло своей пружинкой лежащую на полу, и они стали рассматривать калошу уже вдвоем. При этом их бульканье многозначительно усилилось, а угольки сильно округлились! Затем Леха заметил, как существо-женщина украдкой спрятало калошу себе под прозрачную юбку!

Леха тихонько выскользнул из избы. Было уже темно. В небе горели огромные звезды. Дышалось легко. Леха запрокинул голову:

– Есть контакт! Есть рынок сбыта геологическим калошам!

Он подмигнул Большой Медведице и впервые, за все время длительного запоя, широко улыбнулся!

Аэровизуалка

Одним из методических приемов изучения территории на 200 000-й съемке является дешифрирование аэрофотоматериалов с обязательной заверкой отдешифрованных снимков и схем наблюдением с воздуха и заверкой на местности при посадках на эталонных участках.

Работа эта очень даже интересна, однако довольно утомительна и требует определенной подготовки и летного здоровья. Обязательна летная комиссия наблюдателя.

Я был молод, летать мне нравилось, мы целыми днями болтались в вертолете или на АН-2, фиксируя все, что требовалось.

Остальные геологи в отряде летать особо не любили и даже при переброске с точки на точку чувствовали себя не в своей тарелке.

Как-то в середине сезона, в конце июля, мы завершили отработку южной части площади и должны были вылететь на базу. А так как в месте станции была большая поляна, пригодная для посадки АН-2, то на переброску был заказан самолет АН-2, а не вертолет МИ-2, что привело в небольшое уныние весь отряд, потому что на АН-2 болтанка гораздо больше, даже при полете по прямой.

Самолет прилетел быстро, загрузились и взлетели.

Поскольку пролететь должны были практически через всю отработанную территорию, то я принял решение попутно обследовать и осмотреть те участки, где были какие-то неопределенности в структурном плане и по степени обнаженности. Я забрался на место второго пилота и договорился с командиром о полете по трассе необходимых аэронаблюдений вдоль долины реки. А так как река извилистая, то предполагалась масса различных поворотов.

Ну, значит, летим. Я – наблюдаю все, что запланировано. Настроение – отличное, погода – на все 100, все в норме.

Через 30 минут полета вдруг в дверь кабины начались стуки, жалобные крики и стоны. Когда я выглянул в салон самолета, увидел картинку, от которой стало не по себе – с одной стороны, а с

другой – трудно было удержаться от смеха. Весь отряд не сидел на местах вдоль бортов, а лежал возле дверей в куче. Практически все были сине-зелено-красные, да к тому же облевали друг друга.

Геолог Николай просто взмолился и сказал, еле ворочая языком, что они согласны на все что угодно, лишь бы скорее посадить самолет на аэродром. Даже не идти летом в отпуск, хотя до этого на этом все настаивали.

Понятно, что аэровизуалку мы сразу прекратили и полетели на базу в город Онегу.

После этого случая к аэровизуалке стали относиться как к очень тяжелой работе и с пониманием. До этого случая считали почти все, что аэровизуалка – это просто развлечение, однако все равно никто не хотел выполнять эту работу. И мне опять пришлось далее летать одному, чему, в общем-то, я был рад. Что поделаться, нравилось мне летать, и все тут!

Благодаря аэровизуалке на довольно большой территории нам удалось выявить ранее неизвестные обнаженные участки, которые помогли в дальнейшем уточнить строение этого района.

Нос к носу

Был первый полевой сезон в моей жизни. Все было вновь, все было интересно. Тайга, северный Урал, верховье Вишеры. Геологическая съемка пятидесятитысячного масштаба, первые навыки жизни в полевом лагере, первые маршруты и первые случаи, которые запоминаются навсегда и дают потом опыт общения с природой и ее обитателями.

Был я студентом-практикантом и осваивал все виды работ, которые проводились при производстве съемки.

Так вот, копал я шурфы, канавы и прочее, что нужно было копать, день клонился к вечеру. Геолог, который занимался документированием шурфов, завершил свою работу, подошел к моему шурфу, который я «героически» заканчивал, и сказал, чтобы я вылезал и догонял его, а сам пошел по тропе по линии шурфов.

Мне оставалось пройти сантиметров 10–15 и зачистить забой. Ну, я и решил все это доделать. Вместо 10–15 минут мне потребовалось что-то около часа. Закончив, вылез из шурфа и принял решение идти к лодке не по линии шурфов, а это 2–3 километра, а по визирке, что значительно короче – около 1 километра.

Раз решил, то и побежал по визирке. Бегу, значит, предвкушаю вкусный ужин, приготовленный нашей поварихой. Ни о чем плохом не думаю, но вдруг как-то стало не по себе, какое-то предчувствие. Визирка она и есть визирка, затески стоят на деревьях, но дорогу никто ведь не чистил. Деревья всякие лежат и поперек и вдоль, да просто висят по пути, тайга все-таки.

Ну, вижу, передо мной поваленный кедр в диаметре более одного метра, что такого – не особая преграда. Я, значит, начинаю перелезать через него и вдруг... Вот именно, вдруг с другой стороны дерева появляется голова здорового медведя! Что он с той стороны делал, мне было не ясно, но по инерции я двигаюсь в его сторону и тут происходит то, что всегда называют «нос к носу», правда в переносном смысле, а здесь происходит буквально. Сейчас уже честно не вспомню, но, вроде, мы носами соприкоснулись.

В первый миг я вообще-то ничего не понял, точно так же как и медведь. В следующее мгновение реакция, на мое счастье, у нас была, вероятно, одинаковая. Мы испугались и побежали, правда, не в разные стороны, а рядышком.

Я со страху отвинтил крышку от алюминиевой фляжки, стал ей стучать по фляжке и почему-то тонким елейным голосом стал как бы кричать: «Уходи, уходи...».

Представьте картину: бегут по лесу параллельно друг другу медведь и студент. Оба ничего не понимают, что происходит. Один – прыжками, другой – из последних сил перепрыгивает через все, что лежит. Один бежит-бежит, остановится, рванет и дальше. Другой глядит только на первого и пищит, пищит... Метров через 200–250 медведь все же отвернул в сторону, а студент продолжил «лететь» по тайге с криками, чтобы мишка уходил.

К лодке, которая ждала нас с геологом, я прибежал раньше минут на 10–15 и был почему-то зеленоватого цвета.

На следующий день, когда мы уже толпой пошли посмотреть – где же это происходило, то по визирке идти не могли, т. к. поперек визиры на том участке прошел ветровал и деревья валялись так, что можно было пробираться с трудом, но вчера я бежал не видя всего этого.

Такие вот штуки бывают.

Однажды Профессор ехал в трамвае

Однажды Профессор ехал в трамвае к Макееву писать доклад к международному симпозиуму. Неожиданно к нему подсел подвыпивший молодой человек по имени Гена с бородой, достал бутылку «Стрелецкой», стакан и предложил:

– Давай выпьем!

Профессору очень хотелось выпить, но он виду не показал и гордо ответил:

– Я не пью!

На что Гена ему сказал:

– Да ты ничего не понимаешь! У меня же сын родился!

– Аа! – отвечивал Профессор, – это совсем другое дело! Тогда наливай!

Когда они выпили одну бутылку и Профессор изрядно захмелел, Гена достал вторую, налил стакан и обратился к пассажирам:

– Граждане! Кто хочет выпить?

Граждане гордо молчали и отворачивали головы. Тогда Профессор встал и сказал:

– Граждане! Вы ничего не понимаете! У человека же сын родился! – и выпил стакан сам.

Потом Гена помог Профессору добраться до дома Макеева и, трижды расцеловав его на прощанье, сказал:

– Вот ты, небось, станочником работаешь, а понял тонкую душу художника! – и подарил ему стакан на память.

Макеев до сих пор хранит этот сосуд как дорогую реликвию.

Когда Профессор отправлялся в плаванье

Когда Профессор отправлялся в плаванье на катере вместе с женой – Котлуковой, между ними часто имел место подобный диалог:

–!
–!!
–!!!
–!!!!
–!!!!!
–!!!!!!
–!!!!!!
– , мать!!!!!!

Будучи настоящим джентльменом и несмотря на капитанское звание, Профессор всегда оставлял последнее слово за своей женой.

Однажды Профессор парился в бане

Однажды Профессор, будучи на Северной Земле, парился в бане, устроенной в балке, бил себя веником по бокам, кряхтел и периодически повторял:

– Эх, хороша банька!!!

(А в этих делах, как известно, он знал толк.)

Крепко напарившись, Профессор почувствовал, что пришла пора охладить свое пышущее жаром тело, и предвкушал удовольствие. Для целей купания в леднике был выдолблен бассейн, соответствующий размерам Профессора и наполненный талой водой.

Разбежавшись, Профессор плюхнулся задом в бассейн. При этом раздался страшный треск, затем – всплеск воды, а еще через секунду, когда показалась голова Профессора, – жуткий истошный вопль.

Оказывается, вечером, при легком морозце бассейн незаметно покрылся слоем льда.

Когда Профессора, исторгающего из себя поток ругательств, которым позавидовал бы любой ломовой извозчик, извлекли из бассейна, было зафиксировано, что все его тело покрыто порезами, причем больше всего пострадало то место, которым Профессор пробивал лед.

Несмотря на то, что все порезы на теле Профессора были обклеены лейкопластырем, а ему поднесли стакан спирта и поздравили с легким паром, он продолжал громко ругаться.

Если вы попросите Профессора рассказать эту историю, он вам ответит, что ему больно о ней вспоминать.

Профессор поехал по туристской путевке

Однажды, когда Профессор еще не был Профессором, он поехал с женой – Котлуковой по туристской путевке в Среднюю Азию.

Будучи с группой туристов высоко в горах, Профессор, резво прыгнув с автобуса, заметил, что его брюки лопнули по шву на заднем месте. Пытаясь скрыть этот казус, Профессор снял куртку и повязал ее на пояс, показывая, что ему как бы жарко. Однако в горах в это время лежал снег, и казалось неправдоподобным, что одному жарко, а всем холодно. Дабы не выглядеть оригиналом, Профессор прошептал на ухо Котлуковой: «Немедленно сымай пальто и перебрось его через руку!».

Туристы при этом воскликнули: «Смотрите, смотрите, такой холод, а нашим ленинградцам все жарко!».

После этого все двинулись в горы, а Профессор настоял на том, чтобы жена немедленно зашила ему брюки, для чего снял последнее и остался в трусах.

Пока Котлукова, упрекаемая мужем в бесхозяйственности, доставала иголку у шофера, превращала в нитку часть подкладки своего пальто и зашивала брюки, туристы вернулись обратно.

При виде их Профессор стал изображать сцену купания в ледниковом ручье: бегал по берегу, хлопал себя по бокам и периодически вскрикивал: «Эх, хороша водичка!».

Туристы при виде этого воскликнули: «Смотрите, смотрите! А наши северяне еще и купаются, это же настоящие моржи!». И при этом очень смеялись.

Миша Русский рассказывает

Миша Русский рассказывает, что Профессор всегда с уважением относился к сельскому хозяйству и уже в начале 60-х годов пони-

мал важность продовольственной программы. Поэтому, проезжая мимо колхозных полей, на которых шли уборочные работы, он любил остановить машину, вылезти на подножку и гаркнуть: «Здорово, мужички!». (Голос его при этом спокойно перекрывал шум работающего трактора.) Все находящиеся на поле прекращали работу и вставали по стойке «смирно». После паузы Профессор говорил: «От Ивана Степановича», – или: «От Голубева», – «Эй, парень, подкинь-ка пять ящичков в машину!».

Своим подчиненным-ученикам Профессор при этом любил говорить: «Выполнение продовольственной программы зависит прежде всего от нас самих!».

Однажды Профессор нес винт от катера

Однажды Профессор шел по улице и нес в рюкзаке винт от своего катера, при этом лопасти винта торчали наружу.

Незнакомые дети бежали за Профессором и кричали:

– Карлсон! Карлсон приехал!

На что Профессор отвечал:

– От винта! От винта!

Жена Профессора очень любила лечиться

Жена Профессора – Котлукова очень любила лечиться, даже тогда, когда находилась на отдыхе.

Однажды, будучи в Хосте, она в порядке развлечения попала на прием к врачу. Последний, к ее большому удивлению, подробно расспросил ее о перенесенных заболеваниях и заполнил различные рубрики в обширной таблице. (Как выяснилось позже, странность поведения врача объяснялась тем, что он, будучи аспирантом-заочником, собирал материалы для диссертации.)

Заполнив все графы, врач удивленно заметил: «Странно! Теоретически вы давно уже труп, а практически – совершенно здоровы!».

Профессор, узнав об этом, очень смеялся.

Однажды в День Военно-Морского Флота

Однажды в День Военно-Морского Флота Профессор отмечал со студентами на озере Городно окончание очень любимой им ежегодной экскурсии по Валдайской возвышенности. Оз. Городно для этой цели было выбрано не случайно, так как издавна известно своими классическими берегами, носящими название «валунная мостовая». Еще в Ленинграде Профессор дал указание закупить для этого вечера побольше очень любимых им охотничьих сосисок, а водку студенты догадались купить и сами.

После того, как все, к большому сожалению Профессора, было съедено и выпито, некий студент по имени Толик Опекунов ранее служивший на флоте, провозгласил обряд купания для ранее не служивших на флоте. Все ранее не служившие на флоте студенты с удовольствием выкупались. Профессор же, будучи уверен, что его этот обряд совершенно не касается, поскольку он, во-первых, служит капитаном семейного катера, а во-вторых – Профессором, спокойно доедал на берегу заначенную им охотничью сосиску.

Тем временем бывший моряк Толик Опекунов и еще два студента, имена которых для истории не сохранялись, подбежали к Профессору, схватили его за руки-за ноги и поволокли к озеру. При этом бывший моряк, схвативший Профессора за руки, несколько переоценил свои физические возможности и после двух шагов выпустил руки Профессора. Не замечая этого, два других студента, тащивших Профессора за ноги продолжали свой путь к озеру по валунной мостовой. Сначала Профессор пытался отшучиваться и кричал, что, мол, его спина не казенная, однако потом подумал, что в этом, может быть, и заключается сермяжная правда, и молча принял обряд крещения.

Если сегодня, по прошествию нескольких лет, вы попросите Профессора рассказать об этой истории, он, задрав тельняшку, покажет вам шрамы на своей спине, и скажет, что ему больно об этом вспоминать.

Однажды утром Профессор побежал в поликлинику

Однажды утром Профессор, с похмелья, побежал трусцой в поликлинику с анализом мочи жены Котлуковой, но на лестнице уронил майонезную баночку и разбил ее. Профессор очень испугался, вспомнив, как недавно он был мишенью для метания ножей, но поскольку он был человеком находчивым, вернулся в квартиру, нашел на кухне другую майонезную баночку и наполнил ее сам. После этого он побежал трусцой в университетскую поликлинику и сдал анализ вовремя.

На следующий день жена Котлукова была очень озадачена, когда получила в поликлинике результат анализа, где было написано: «Спирта – 95%».

Поэтическая
ГЕОЛОГИЯ

**Романтический период
Стихотворный ярус
Карельский горизонт**

На полях Шуньги...

*Посвящается известному геологу,
исследователю шунгитов Карелии
Валерию Ивановичу Горлову*

На полях Шуньги Я копаю шурф,
Жилы рву и выгоняю дурь.
Небо синее и простор ветрам –
В четвертинку вгрызаюсь Я здесь и там!
Что, не надо так выпивать!
А ты попробуй сам покопать!
Нас с утра бы да похмелять,
Нелегко коренные вскрывать.
Видишь лидиты, а рядом шунгит,
Средь полей можжевельник стоит.
Весь в испарине я и потом покрыт
Ух! и черный этот шунгит.
Ну, Валера, прошу, не гони коней!
Посмотри сегодня уже веселей
Вам геологам платят за блажь.
Ну не лезь в бутылку, не надо в ражъ,
Что шунгит – всю жизнь изучать!
Не верю, Валера, захочешь и погулять.
Будь уверен, никуда он не побежит,
Пусть шунгит здесь спокойно лежит.
Побывали Здесь: Комаров, Иностранцев,
Гельмерсен, Тимофеев, Рябов, Борисов – профессора.
Ну понятно, понятно не нам чета,
А теперь ты считаешь новый виток!
Ты, Калинин, Галдобина – воздуха свежий глоток.
Ну и что на сегодня нам светит босс?
На сегодня шурфика три, во весь рост!
А на завтра на будущие времена!

Учиться не будешь – та же струя.
Ты, конечно, там наверху,
Ну а мы в шурфе и внизу.
Вы ваятели, и творцы,
Мы по-вашему, шухло и низы.
Ну а как же вот он!
В теорему Римана влюблен
Бьется над ней, науку грызет,
Он, скажу я тебе, много пьет.
Вот Калинин – он всем пример!
Дело главное, потому и размер.
Уложиться, вычислить, просчитать –
Надо, Вова, надо, шунгит изучать,
Сделал Калинин шаг вперед.
И лаборатория за ним идет.
Модель (надмолекулярную) шунгита предложил!
Физико-химические свойства изучил!
Технологии в промышленность внедрил!
Время, время он опередил!
Ну, а ты, Валера, как же и куда!
Я в науку и шунгит моя стезя.
А по мне так пропади она,
Без любви и жизнь в никуда.
Неужели, как Пеша, и ты
Сходишь с ума от любви.
Ну, Валера, ты даешь –
Я и Ленка – от смеха умрешь!
Я хочу свободным быть,
Не рабом, любить и жить.
Вова, ты копай, копай, копай,
Хмель свою ты выгоняй.
Жизнь покажет кто и куда,
Только мне сдается – вот она
На шунгите ты уже стоишь.
Ну а дальше жизнь, ее узришь,
А за нами вновь придут не вдруг,
Будет новый цикл и новый круг,

Мы с тобою и все мы от земли.
Информация ее для нас сродни
Где-то в потаенных уголках,
Ты открой ее и дай размах...
Ну, так как тебе такой подход!
Выпить хочется, пересох мой рот,
Мысли, прямо скажем, первачи.
На полях Шуньги меня ты воскреси
Только, как же сущность жизни – суть,
Смерть и жизнь как повернуть?
Что наука твой прогноз, твое ядро,
Нет, Валера, от рожденья я зерно!
Остальное в жизни пусто без меня,
Согласись, вселенная ведь это Я!
А корысть, гордыня, власть и смысл
Это в жизни человек постиг
Он руки вскинул к небу, замолчал
И на колени он в шурфе упал.
Ну, вразуми меня, о боже! Вразуми
И в просьбе ты моей не откажи!
Валера смеется, ребята шабаш,
Уже подошел обеденный час.
Доедем с мельничной за полчаса,
Поработали классно, будет наука жива,
А тебе, Вова, скажу я так –
Путь твой в науке, ведь ты не дурак.
Ты о деньгах меня не спросил,
Истину тащишь из последних сил
Я ухмыльнулся – Валера, росту,
Мне б не свихнуться, в науку иду.
Женьку кликни – он в том шурфе,
Видишь, тельняшка на молотке.
Здорово, ребята, – природа, простор!
И смысл великий, какой разговор!
И тайны земные у нас под ногой,
Вот геология – тайна, попробуй открой.

Вперед, пионеры, гвардия, вперед...
Калинин, Горлов, Филиппов, Галдобина,
Ковалевский, Рожкова решение найдет.
Заводи, Серега, трогай, пошел...
Ждет нас сегодня праздничный стол.
Ну, как, Владимир Иванович, узнаешь места,
Михаил Михайлович, мы здесь неспроста!
Владимир Щипцов учел мировой интерес,
Проводит он здесь научный конгресс.
Мельничную залежь уже бурят,
Вот канава и наши шурфики в ряд.
Это Мележик! Международный проект!..
В протерозое шунгит накопились, ищет ответ,
А что у Горлова, Миша, в дневнике!
Год 1964, Мельничная – Кевлич, шурф на горе.
Что я чувствую, пожалуй, тоску,
Ностальгия по временам, когда был в соку,
И просторы, просторы Шуньгских полей.
Не забыть здесь живущих людей и друзей
И ученых мне не забыть, Шуньга
Всех навеки сплотила и в горсть собрала.

Июнь, 2007

Соцветия

Мгновения вечности мы извлекаем
Из недр планеты нам родной.
Они расскажут нам, мы знаем,
О предыстории былой.

Они расскажут, как рождалась
В пространстве, в вихре огнемом.
Как гравитацией ваялась
Земная твердь, где мы живем.

Соцветья радужные, в бликах света
Мы называем просто – минерал,
Они ж сложны, как вся планета,
Планета тоже ведь кристалл.

Мгновенья вечности мы извлекаем
Из недр планеты нам родной,
По крохам их характер открываем,
К разгадке жизни приближаясь земной.

19.03.1981

Свершение

Вот сейчас повеяло сосною,
Мхом лесным, болотом тихим.
Я стою один перед собою,
Я разбужен чувством первобытно-диким.

Теплый дождь в ветвистых кронах
Словно первородный хмель играет,
И зима отходит и в последних столах,
Нам весну мучительно рождает.

Март, 1983

Твоя любовь

Померкли краски, ветер гонит
Реки задумчивую рябь,
А с уст твоих теперь нисходит
Весенней радости печать.

То чувственно, то нежно
Порой глядишь ты на меня.
Желаний смутная надежда
Волнует всю теперь тебя.

В одном мятущемся порыве
Ты отдалась на суд любви.
Она исходность в женской силе,
Она закон твоей судьбы.

И ты, предчувствуя свершенье,
В полете истовом паришь,
В предвиденьи, почти в прозреньи,
Что жизнь земную утвердишь.

02.04.1982

В маршруте

Я мысленно провел и прочертил
В пространстве и во времени маршрут
И сам себя придиричиво спросил:
«Как в геологии мне разобраться тут?»

По берегам и скальным островам
Иду стремительно, как гончая по следу.
Я отбиваю образцы то здесь, то там
Порою удивлен, иль праздную победу.

Застывшие обзираю лавы и потоки.
Прошли, промчались миллиарды лет,
Лишь воображения небесные истоки
Способны проследить их материальный след.

Приливы вдохновенья и... светлеет,
Мне б только удержать накал и полноту:
Ползут потоки раскаленные, тускнеют,
Теряют очертанья, гаснут на виду.

Я виртуально пережил и просмотрел
Картину становленья Беломорья.
На карту я нанес и преуспел
В создании легенды Беломорья.

Геологам – онежанам

Все. Закончили работу,
Смыли в речку соль и пот
И, как птицы к перелету, собрались.
Где ж вертолет?

Нет. Не видно вертолета.
Отменяется полет.
Эх, геологи – пехота.
Груз на плечи и... Вперед!

Кто считал ваши дороги?
(Черт побрал бы вырубка.)
Пью за Вас! За тех немногих,
Для кого поход – судьба.

* * *

*Виктору Кислову
(знатоку Ветреного Пояса)*

Ты эту землю мерил шагами,
Носил в рюкзаке и в ладонях держал.
На этой земле суровой и милой
Ты стал работягой, геологом стал.

Маршрут твой проложен с юга на север,
Где сердце лишь компасом служит.
И нет для тебя судьбы без дороги,
И верим, дороге ты нужен.

* * *

*Александрю Ивановичу Зудину
(главному геологу ПСЭ)*

Разбиты сердца,
Разрушены храмы;
Вчера комсомолки,
Сегодня же – дамы;
Вчера коммунисты,
Теперь – господа...
О, Господи Боже,
Года, как вода
Текут, размывая
И пламень, и лед.
Не каждый
Сегодняшний день
И поймет.
Но в шуме веселых
И страшных годин
Ты, Дядька, у нас
Был и будешь один.
Ты – русский мужик,
И русской душой
Был, остаешься
И будешь большой,
Большой Человек!
И дай тебе Бог
Веры, надежды,
И счастья дорог.

Архангельск, 1995

* * *

В светло-праздничном апреле
Зазвенят всюду капли.
Станут легкими шаги.
Врастут в спины рюкзаки.
Ударит теплый ветер в грудь.
И компас позовет нас в путь.
Давайте соберемся вместе,
Споем про дождь и солнце песни,
И, радуясь бродячей доле,
Поднимем тост:
«За тех, кто в поле!!!».

Страница

Упорно сердце бережет под Каргополем встречу.
Маршрут, привал, межа, стожок, июльский поздний вечер.
В полнеба лепится луна – пшеничная краюха,
Травинка каждая видна, и, слава Богу, сухо.
Штормовки сохнут у огня, по кругу – хлеб да фляжка
(не грех, после сырого дня в болотах). Вдруг, бродяжка
на огонек.
Откуда путь? –
Сняла мешок заплечный.
– Чайку? –
– Неужто, что-нибудь не сыщется покрепче?
Ну, люди добрые, за вас! Пошли, господь, здоровья. –
Две тучи синие у глаз, и полон рот присловья.
Отборная «прямая» речь, да шутки-прибаутки.
Всю ночь не удалось прилечь, а утром – на попутки.
– Зовут-то как?! – кричим ей вслед (опомнились невежды!).
Вот только что была, и нет.
Откликнулась – НАДЕЖДА!

* * *

Я пахну дождем и июлем,
Ты – ветром и дымом костра.
Сегодня опять не заснули
Всю белую ночь, до утра.
Мысли, слова вперемешку
С продуманным и прожитым.
В счастливой загадке усмешки
Проекты, надежды, мечты.
И неизлечимость желаний
Касаться любимой руки –
Букет из цветов без названий,
Стихи без последней строки.
Чтоб снова и снова коснулись
Нас встречи, разлуки, ветра,
И чтоб мы не раз не уснули
всю белую ночь, до утра...

Алмаз и уголь

Алмаз и уголь – родные братья.
Едины сутью, различны в платьях.
Живут на свете, как принц и нищий.
Один в короне, другой в кострище.

Родник

Поигрывая валунами,
катил на материк ледник.
Там, где столкнулись лед и пламя,
из недр земных возник родник.

Между корней переливаясь,
между замшелых валунов
бежит, звенит вода живая.
Черпни рукой – достанешь дно.
В ладони – камушек гранита
(здесь задержался неспроста...)
Ах, сколько-сколько перемыто
каменьев, а вода чиста!

Архангельск, 2002

Лесная избушка

В глуши у озера избушка
приткнулась на краю тропы.
В ней все, что нужно: чайник, кружка,
щепотка соли, горсть крупы,
дровишки за железной печкой,
свечи огарок на столе –
жилье лесное человечье – замерз,
устал – ночуй в тепле.
Суши одежды,
милуй дрему,
кури, любуйся на закат,
а будешь собираться к дому,
оставь здесь то, чем сам богат.
Так повелось.

Архангельская обл., г. Онега, 2004

* * *

Когда-то в юности далекой
Нас позвала Романтика в поход.
И собрался народ зеленый и задорный,
Чтоб покорить сначала Горный,
А уж затем начать полет.
Пять лет промчались незаметно,
Зачет – экзамен, кутерьма!
Любовь – ах, романтично – безответной,
Как правило, была она!
Учились быть достойны предков,
Людей не оставлять в беде,
На картах помещать свои заметки
О новшествах в Геологической среде.
И вот получены солидные дипломы,
И «поплавок» сияет на груди,
Шесть, Три – две цифры как пароль от дома:
Куда хоть в жизни раз, но должен ты прийти.
От Колымы, Антарктики ледово-лысой
До БАМа и холодной Воркуты,
От Кольских руд и до Памирских высей
Остались наши скромные следы.
Мы честно делали, что скажут,
Летели, шли, ползли, брели,
Тащили рюкзаки с камнями,
И верили: мы – Соль Земли.
Но думали подчас другие
Цинично, холодно и зло.
Мы виноваты, сделай, Боже,
Чтоб нашим детям повезло.

Пусть будет чистой их душа,
А совесть в суетности дней
Не приспособится, спеша
На пир «удачливых» людей.
Как много весен миновало,
Ряды пустеют, меньше нас,
Друзья! Соединим бокалы,
За Тех, ушедших, и за Вас:
Учителя, коллеги, братья,
Товарищи далеких лет!
За честь, за совесть и за правду!
Ведь в этих стенах альма-матер
Мы с вами дали свой обет.

Сайнаволоку

Я люблюсь на темные ели
На заснеженный дальний простор,
Я люблю вой февральской метели.
Силуэты темнеющих гор.
Под скользящими легкими лыжами
Чуть скрипит серебристый снежок,
И земля, покоренная стужей.
Набегая, ложится у ног!
Дятла стук в тишине раздается.
И трещат от мороза стволы.
Лыжный след, извиваясь, несется,
Пропадая за склоном горы!

1964

* * *

По болотам мы мотались две недели.
Трубки взрыва и вулкан отрисовали.
Нюхчин-Мох в конгломератах одолели!
Но о жаркой баньке день и ночь мечтали!
В центре лагеря под розовой сосною
Мы поставили палатку,
И устроили там рай земной.
Жаром, веничками баловались сладко.
Дядя Шура! Дядя Шура! Дядя Саша!
С баррахлом исчезла за ночь банька наша!

оз. Кирич, 1974

* * *

Долго ли будет Карелия сниться
И слезы в озерах без прежних ресниц.
В старых домах пустые глазницы.
Воронов стаи – прожорливой птицы.
Бледные пятна маленьких лиц.
Можно смотреть затуманенным взглядом,
Или очки светофильтром покрыть.
Можно, не глядя, прошествовать рядом
Или пространно про жизнь разъяснить:
Дескать, людей разделяет удача,
Смелость поступков и дерзкий полет.
Бизнес, семья, остальное не значит.
Кто не рискует, тот и не пьет.

1999

* * *

Коварством Ветреного Пояса
Была навек покорена,
Хотя лежит он не у полюса,
И, в общем, скверная страна.
Болота, топи, горы, заросли.
Рюкзак тяжелый, сапоги,
Зачем, скажите, эти страсти,
Ну, разве мы себе враги?
Но комариный, неисхоженный
Таит всю тайну бытия
Край очарованной природы
И книга первая моя.

1999

* * *

Над тихим озером туман
И плеск береговой волны,
А в голове такой дурман
От тишины и красоты.
Белеет старый монастырь
На острове крутом,
Что крови много было здесь,
Узнается потом.
Любой обломок кирпича
И молит и кричит.
На речке Коже монастырь
Уж триста лет стоит.

1999

* * *

Летит Земля в космическую даль,
Нет в путешествии предела,
Что подала Галактика ей длань,
Не должно никому до этого быть дела!
Однако человек, разглядывая Млечный Путь
И удивляясь бесконечно,
Решил и дальше заглянуть
И убедиться, что есть вечно.
В той красоте миров, в гармонии Вселенной
Он – мелкая пылинка с телом бранным,
Вдруг осознал причастность к бытию
И значимость незаменимую свою.

Растрепанные мысли

Зависть

«Без формы нет в природе содержания» –
Взирала веточкина тень
на приусадебный плетень.

Обида

Шакал пришел на вынос кабана,
И подобающе слеза из глаз скатилась,
Ведь я его вчера почти загнал.
А съесть – не получилось.

Сожаление

«Ах, если бы молодость знала,
Ах, если бы старость могла»,
Из жизни бы радость пропала.
Осталась бы только тоска.

Светлое воспоминание

Внучатам бают сказки старики,
Как были они к истине близки,
Когда у милых девушек глаза от них сияли,
А дальнозоркие очки на лбу не пропадали.

Любовь

Я такой особенный,
А ты совсем другая,
Я весь приспособленный и недосыгаем.
Я божие создание, а ты мое ребро.
Но без тебя мне холодно и в светлый день темно.

Друзья

«Сегодня – ты, а завтра – я», –
Подумал Моцарту Сальери,
Добавив к яду пития
И выскользнув за двери.

Ученый

Козел, изучая баранье стадо.
Вдруг понял, что этой сукцессии надо:
Если менять колокольцев звон.
Править ей можно до лучших времен.

Почти по Дарвину

Из Японии далекой
Привезли в Россию «Нарайяму»,
Побежал народ смотреть
На неведомую голенькую «маму»!
Не сумел увидеть он
В запале сексуальном,
Как родителей беззубых, но живых,
Дети сильные с горы бросали в яму.
Годы минули – теперь своя в России «Нарайяма»,
Мелочь всякую и ветхое старье
Равнодушная страна спускает в ямы.

Таракан

Два года галактических
Живет усач на свете!
И нет его умнее
На голубой планете.
Он никого не трогает,
Не лезет на рожон,
Любовью снисходительной
«Олимпа» окружен.
Лишь маленькую сплетню
Каналья принесет –
Исчезнут динозаврики.
Он всех переживет!

Кенгуру

Вынашивала долго кенгуру
Свою идею в сумке,
Тщеславно веря, что она
Оставит след в науке!
Но как-то рано поутру,
Просматривая сборник,
Глаза раскрыла кенгуру:
Ее идеей наследил
Давно знакомый дворник!

Берлиоз

Маститый композитор, классик,
В энциклопедиях которому поются дифирамбы,
Был в гениальности своей несчастлив,
А «Реквием» его – свидетель личной драмы.

Цунами

Мертвая зыбь стала скучна.
Требует силы и воли она.
А не позвать ли цунами
Повластвовать над нами?

Крушит, ломает, не впервой
Смывать с дороги старый строй!
Затих безумный ураган –
Сплошной развал, разгром и хлам.

Политика

Мелькают лица на экране.
Зовут к богатству и борьбе,
Меняют лозунги и знамя,
А думают лишь о себе.
Вещают сыто, откровенно.
Друг друга тихо предают
И под шумок дешевой прессы
Россию с жаром продают.

Праведник

Он в черной сутане и с постным лицом
Или в костюме с пестрым значком,
А может в простецкой джинсовой паре,
Но узнается по праведной сваре.
Всегда бедолагу тревожат вопросы,
Ответы он ищет в длиннющих доносах.

Кибернетика

Захватив эфирное пространство,
Человечество безжалостно пленила,
Добровольными цепями приковала
К узкому оконцу чья-то сила.
Может, в нем рабу она сулит свободу,
Духом бедному – подняться над собой,
Злому гению – расправиться с народами,
Всем и каждому – обманчивый покой?

Киберы

Разошлись и разбрелись по Интернету
Зомби – некогда глядеть «глаза в глаза»,
Киберы, играючи, крылатые ракеты
Запускают в Космос, будто в никуда.
Что случилось с добрым человеком?
Он забыл – лишь только раз рожден.
Зло плодит и на исходе века
Землю-мать насилует огнем.
Может, снежная из сказки королева –
Бабушка компьютерных героев.
Ожила и возводить велела
Ледяные замки, башни строить!
Заморозить души приказала.
Чтоб холодными навеки стали,
А от человека только тело
Да глаза пустые бы остались!
Киберы шагают по планете.

Домра

Невзрачная на вид и тихий звук,
Нет блеска, шарма, антуража,
Но как захватывает дух,
Когда она в кругу подруг
О сути музыки расскажет!
С профанов, профи, сибаритов.
Душой больных или бандитов
Она снимает накипь зла!
Жестокие светлеют лица,
А домра в мастерских руках
Поет, желая им добра!

* * *

У самого синего неба,
На древней горе Курыксар
Смеялась девчонка
Над ветром,
Над тем, что ее целовал.

А ветер, бродяга бездомный,
Родня всем бродягам земным,
Был рад, что смеется девчонка,
Старик снова стал молодым.

Ее он поднял на ладонях,
Над всею тайгой голубой,
И ей рассказал про дороги,
Где встретиться можно с мечтой.

У синего-синего неба,
Где рыжее солнце живет,
Смеется девчонка над ветром,
А ветер ей песни поет.

*Северный Урал,
р. Вишера, 1965*

* * *

Мои слова любви
 не греют Вашу душу,
Прошу меня простить
 за то, что Вас люблю.
Не хочется мне быть
 для Вас тяжелой ношей,
Поскольку понял я,
 что искру потушу.

Любовь – это мечта,
 она всегда свободна.
Никто и никому
 не должен ничего.
Поэтому для Вас
 дорога ввысь просторна
И Вам решать самой
 куда по ней пойти.

Что будет там, куда
 нас движет это время,
Не знаю нынче я,
 не знаете и Вы.
Прошу мою любовь
 не быть для Вас как бремя,
Но вечно буду ждать...
 Мы встретимся в пути.

Сейчас я счастлив тем,
 что просто Вас я вижу,
И буду рад всегда,
 что с жизнью Вы в ладу
И что бы ни случилось,
 но Вас я не обижу,
А коль придет беда,
 ее я отведу.

Но если вдруг весной,
случится все же чудо
И захотите Вы
услышать глас любви,
То знайте, даже миг
я зова ждать не буду,
Порвав все путы,
сразу к Вам приду.

п. Лоухи, 1995

* * *

Странна и мне
моя судьба,
Вся жизнь моя
наполовину.
Пытался жить,
всегда любя,
И не стрелял
в чужую спину.

И ветер странствий
освежал
От пота вспыхнувшее
тело.
А каждый день
я продолжал
Однажды начатое
дело.

Но всякий раз,
 когда успех
Был рядом,
 трогайте руками.
Я руки просто
 кидал вверх
И все свое
 бросал на камни.

Не брал себе
 совсем ничуть,
Как будто знал,
 смогу вернуться.
Но время, этот
 враг и друг,
Кричало: стой,
 пора проснуться.

Проснуться от
 слепой мечты,
Проснуться от
 надежды счастья,
Чуть-чуть подумать
 о себе
И взять свою
 долю участия.

Но я же ждал,
 пускай возьмут
Кто рядом есть,
 кому нужнее,
А после,
 когда руки жмут,
Вдруг видел,
 что столы пустеют.

Обидно
становилось вдруг.
Пытался
в чем-то объясниться.
И выходило
все на круг,
Сверкал я
голой ягодицей.

п. Лоухи, 1997

* * *

Глаза твои –
два озера.
Голубей
я не видел озер.
Утонуть мне
в них очень хочется,
Чтоб на дне их
сложить костер.
Вопреки всему,
что бывает,
Я хочу
снова в дальний путь,
Потому что
глаза – два озера –
Больше мне
не дают уснуть.
Больше мне
не уснуть, наверное,

Так и буду
искать в ночи
Тех озер
красоту безмерную,
Чтоб от сердца
отдать ключи.

п. Лоухи, 1998

* * *

Все в тебе
необычно и странно,
Я такую
нигде не встречал.
Жил на свете,
как в клочьях тумана,
И все время
чего-то я ждал.

Поднимался
в высокие горы,
По болотам
тропу пролагал,
Строил хижины,
слушал каноны,
Уставал,
но всегда
что-то ждал.

Ждал, что вдруг
будет грустно и горько,
Будет грубая
музыки медь,

Я увижу
 смешного зайчонка
И от радости
 буду неметь.

Вот теперь
 я проснулся, увидел
Седину,
 расчесал гребешком,
Что зайчонок
 меня не обидел,
Вот он здесь
 и зовет строить дом.

Строить дом,
 чтоб красиво и прочно,
Чтоб звучали
 детей голоса,
И чтоб дом
 наполнялся друзьями,
И свершатся тогда
 чудеса.

п. Лоухи, 1998

* * *

Ты солнышко мое
 среди ненастных дней,
Я счастлив
 уже тем,
Что ты живешь
 на свете.

Благодарю судьбу
 что дух бродяг – Персей
Меня привел к тебе
 и разбудить забыл
На солнечном рассвете.

Ты ветерок,
 ласкающий глаза,
И ручеек,
 несущий мне прохладу,
И вот теперь
 я верю в чудеса,
А рядом ты,
 мне большего не надо.

п. Лоухи, 1999

* * *

Я был ужасный
 дикий зверь.
В глазах моих
 гнездились бесы.
В твою, открытую
 мною дверь,
Ломился
 с наглостью повесы.
Ты луч надежды
 мне зажгла,
И зверь затих,
 вновь став домашним.
Дай только
 чутьочку тепла,
От костерка
 в ночи горящем.

Петрозаводск, 2000

* * *

Я знаю
 как трудно дожидаться,
Я знаю
 как трудно ждать,
Но не могу
 быть на месте,
Все время
 мне надо шагать.
Я знаю –
 ты будешь сердиться,
И будешь
 одна тосковать.
Пока
 не поймешь, что лучше
С тобою
 нам вместе шагать.
Пока
 не поверишь в скалы,
В тайгу
 и искрящий костер,
Пока
 сама не увидишь
Тайги
 этой синий простор.
Не верь
 никому, что лучше,
Всю жизнь
 прожить в тишине,
Поверь,
 как и я, что счастье
Живет
 лишь в бродячей стране.

*Архангельская обл.,
г. Онега, 1971*

Коту Ваське

Эх, Васька,
рыжий кот,
Ты появился
ниоткуда,
И вот уже
здесь целый год
Являешь мне
свое смешное чудо.

К тебе с добром
наверное, чуть-чуть,
И ты мурлыча
душу согреваешь,
От диких орд,
готовых все свернуть,
Меня своим теплом
оберегаешь.

Когда в душе
совсем клокочет боль,
И руки опускаются
как плети,
Ты на колени
просишься, позволь,
Как будто говоришь:
не кисни, я в ответе.

И вдруг уходит
с сердца боль,
Светлеют мысли,
разум встрепенется,
А ты не кот,
а солнышка тепло,
И все проходит,
радость остается.

п. Лоухи, 1996

* * *

Все кануло в лета,
И горы и грезы,
И белой березы
краса.

Остались лишь только
Соленые слезы
И злые-презлые глаза.

Но я не жалею,
Что все пролетело,
И все пронеслось стороной,
Осталась дорога,
Дорога куда-то,
Еще есть дорога
домой.

*Архангельская обл.,
п. Савинский, 1981*

* * *

Стучат часы, слагаясь в дни,
В небытие уходят годы.
А мы надеемся и ждем.
Ждем милостей природы.
Не повернуть мне время вспять.
И не собрать друзей всех вместе.
Но все ж не буду унывать,
Я не забыла наши песни,
Со мной товарищи, семья
И книги – верные друзья.
Смотрю в окно, искрится снег.
Я вижу соек на рябинке,
И стайку милых снегирей,
Что бойко скачут по тропинке.
Сияет солнце в вышине.
Протянув лучики к земле.
Пускай звонка раздастся трель.
Я к телефону побегу,
Ведь это внучка скажет мне:
«Бабуля, я тебя люблю!»
И больше ничего не надо,
В ней – жизнь моя, моя отрада.

* * *

Какая долгая зима,
Мела метель, сердилась вьюга.
И вся природа, замерев,
Ждала весны, как будто чуда.
И нам хотелось всем тепла,
И яркой зелени, капли,
Чтоб птицы пели по утрам,
И небеса чтоб голубели.
Но все же грустно мне порой,
И жалко снежной белизны.
Какая красота зимой!
Как тени от кустов длинны.
Вот наст искрится серебром.
И заячьи следы на нем.
Ворона важно так гуляет,
И сойка хохолком кивает.
Вот красный шарик – снегирек
С ветвей рябину обдирает.
На улице трещит мороз,
А как светлы стволы берез.
Но все исчезнет очень скоро.
Придется ждать другого года.

* * *

Как все мы в юности похожи.
Все энергичны, все пригожи,
Полны надежд и устремлений,
Жаждем странствий, приключений.
Уверены в любви, успехах
И обязательных победах.
Но жизнь по-разному проходит:
Одних бросает, других холит.
Один стал в жизни мудрецом,
Другой остался в ней юнцом.
Один желанен и любим,
Другой же просто нелюдим.
Один, став старше и мудрее,
Ко всем становится добрее.
Другой завидует всему
И пышет злобой потому.
Жизни каждая страница
Проступает в наших лицах,
На склоне лет все – старики.
Какие ж разные они.

* * *

Июнь и снег – вообще-то непривычно.
Черемуха цвела же как обычно:
Белым-бела стояла, как невеста,
Вселяя в сердце радость и надежду.

Так началось очередное лето.
От лета ждешь всегда тепла и света,
Чудес каких-то необыкновенных
И встреч неожиданных, самых сокровенных.

Биенье жизни каждого листочка,
И любопытство каждого росточка.
Все хочется вдохнуть в себя, напиться
Блаженством летним, как водой криничной.

Июнь, начало северного лета,
Не захворал ли ты, не заболел ли?
Верни на небо солнце, обогрейся,
Порадуй нас, сам громче всех засмейся.

И подари нам лето, лето, лето...
Чтоб было много в нем тепла и света,
Чудес каких-то необыкновенных
И встреч желанных, самых сокровенных.

Дарите женщинам цветы

Дарите женщинам цветы
Зимой, когда метут метели,
Чтоб нежной розы лепестки
Кому-то губы отогрели.
Дарите женщинам цветы
Весной, в пору цветенья,
Цветок быть может полевой
Тебе поможет в объясненьи.
Дарите женщинам цветы
И в летний зной, ну а в ненастье
Цветок, подаренный тобой,
Поможет сохранить вам счастье.
Дарите женщинам цветы
Дождливой осенью и бабьим летом,
Ведь чье-то сердце ждет ответа
На юности наивные мечты.
Дарите женщинам цветы...

1981

* * *

У каждой весны есть своя примета:
То жаром повеет июльского лета,
То звоном капли прохожих оглушит,
То синью апреля высушит лужи.
Бывает, что встретит тоскою щемящей,
Обидой и горечью прожитых дней.
И все же на душе становится теплой,
Когда увидишь журавлей летящих.
А у геологов всегда одна примета,
Душа поет и просится в «поля»,
Ведь у науки нет еще ответа.
Откуда появилась Матушка – Земля.
Мир благодарен вам за то, друзья,
Что в рюкзаках вы носите крупницы знаний,
Мы знаем, что в разгадке мирозданий
Есть и частица вашего нелегкого труда.
Геологи-романтики, скитальцы,
Вы бродите по грешной и родной земле,
И хоть мы в мире этом только постояльцы
Геолог вечно нужен здесь и на любой звезде!

1992

Ода болоту

В пределах наших северных широт
Имеется немерено болот.
Но как ума хватило у кого-то,
Чтоб это чудо обозвать «болотом».

Приди весной и посмотри вокруг...
Богатство красок, цвета половодье.
В дальнейшем превратятся вдруг
В обилье ягод щедрые уголья.

А в недрах этих торфяных пучин
Хранится информация веками,
Чтоб выдавать источники причин
Рождения болот под облаками.

БОЛОТО – только буква «О»,
Усмешка, возглас или изумленье.
Бывает и коварно, и мрачно...
Но все ж достойно восхищенья.

Хвала резиновым сапогам

Есть обувка изящной работы,
«Скороход» – с каблуком или без.
Но в туфлях не полезешь в болото,
И на шпильках не вылезешь в лес.

Совершенно по сути другие,
Но по-своему нам дороги,
Наши славные, наши родные
Резиновые сапоги.

Сколько нас от простуды спасали,
Никаких не желаем наград,
У печей и костров вы стояли
И сушились на кольях оград.

То не чтобы вам из картона!
Пусть трясутся все наши враги,
Видя детище Веллингтона,
Резиновые сапоги!

Пусть дожди за окном поливают,
Разлился по селу грязный пруд,
Нас от них ежедневно спасают,
И не раз еще точно спасут.

Вспомни их, покоритель болота,
Ежедневно снимая с ноги,
Обувь умных, мечту идиота,
Резиновые сапоги!

1999

В экспедиции

Да, поле, дружище, есть поле.
Прощай TV, душный сплин.
Душа разгулялась на воле,
И ты у костра не один.

Ты ищешь зимою и летом
Все то, что другим не понять.
И в спальнике, дымом согретом,
Пытаешься сказку обнять.

Тебя окружают, как братья,
Деревья, цветы и грибы.
А все с поднебесья ненастья
Ты примешь подарком судьбы.
Любовью наполнены звуки:
Трель пташек, шум волн и ветров.
И долго гудят лицо, руки
От звонов шальных комаров.

Болото, тайга и палатка...
Ты в городе вспомнишь не раз.
И снова природа – загадка,
И в сердце костер не погас.

Хизовара

Мы в районе зоны сочленения
Самых древних складчатых эпох.
Справа – карелиды без сомнения,
Слева – Беломорья геоблок.
Здесь в июле солнце незакатное,
Почернеешь за один присест.
И творится что-то непонятное
При движении постиранья вкрест...
Хизовары, Хизовары,
Это вам не тары-бары,
Это вам не звон гитары
И не третий чай ночной.
Хизовара, Хизовара –
Воплощенье божьей кары,
И поэтому недаром
Так непрост генезис твой.
Здесь архейский комплекс
На дыбах стоит,
Перемят в верхах протерозой.
С апикалью складок связан кианит,
Метасоматический такой.
Мы его добудем, неумные,
Нарастим запасы по сырью.
Только это дело очень темное,
Можно и споткнуться на краю...
Хизовары, Хизовары,
О ее немые чары,
О ее сосновый запах
И малиновый туман...

Хизовары, Хизовары,
О цветов ее нектары,
О закатные пожары,
И не начатый роман.
День за днем проходит,
Не вернешь, не жди,
Север обнимает нас любя.
В зоне сочленения идут дожди,
И дожди, наверно, у тебя...
Осень предлагает нам закрыть сезон:
Хватит, настучались, по домам.
Уходящий поезд набирал разгон,
Вынося нас к южным городам...
Вдалеке от Хизовары,
Где не слышен крик гагары,
Где гранитные причалы
Обнимают стан Невы.
Вижу северные скалы
Несравненной Калевалы,
Перспективные развалы
С криком втопанной травы¹.

¹ Песня написана в студенческие годы (Ленинградский горный институт) во время полевой практики. Вместе с сотрудниками института геологии автор работал в одном из живописных мест Северной Карелии, где расположено кианитовое месторождение, получившее название от высоты Хизовара (Медвежья гора).

Не о том

Понедельник вновь с утра,
Мне в маршрут опять пора.
Календарь блестит 13-м числом!
Сонных век не разомкнуть,
Мне б поспать еще чуть-чуть...
Впрочем, я пою о чем-то не о том!

Как попали мы сюда,
Где морена да вода,
Где всю молодость в болотах проведем?
Где прекрасней нет поры
Когда сдохнут комары...
Впрочем, я пою о чем-то не о том!

Макароны прожевав,
Рюкзачок в маршрут собрав,
Разбужу студента легким матерком!
Белым лебедем плывет,
На ходу «КП» берет...¹
Впрочем, я пою о чем-то не о том!

Вновь болото на пути,
Не пройти, не обойти,
Поливает дождь, постанывает гром!
Мне б сейчас на... грушу влезть,
Половинку б дыни съесть...
Впрочем, я пою о чем-то не о том!

¹ КП – контрольные показания радиометра.

Посмотрю с горы вокруг,
Где тут Север, где тут Юг,
Постучу по диабазу молотком...
Все равно дойдем туда,
Где запрятана руда!
Вот я, кажется, запел о чем хотел!

А закончится сезон,
Сяду в голубой вагон
И с любимой позабуду обо всем!
А потом опять сюда,
Где морена да вода
Впрочем, я опять о чем-то не о том...

Кумсинская площадь, 1985

О вечном

Снова дождь
По палатке стучит.
Снова осень
Не знает покоя.
Лес вокруг – словно царство морское!
И опять нам в маршрут не идти.

И не стало ни солнца, ни звезд,
Только тучи –
То черны, то серы.
Дождь непрошенный отдых принес,
Барабанит по листьям и нервам.

Тлеют в печке
Сырые дрова.
За палаткой –
Промозглая небель.
Вспомнишь черта не раз и не два –
Мир надежно укрыт мокрым небом,
Где не стало ни солнца, ни звезд,
Только тучи –
То черны, то серы!
Дождь непрошенный отдых принес
Барабанит по листьям и нервам.

Все не пройден
Последний маршрут.
Скоро снег
Эту землю укроет.
Где-то дома любимые ждут,
Боже мой! Что же это такое?
Снова дождь
По палатке стучит,
Снова осень
Не знает покоя.
Лес вокруг – словно царство морское!
И опять нам в маршрут не идти.

Уницкая площадь, 1983

Народная радиометрическая

Вот кто-то с горочки свалился,
Кажись, геолог мой летит!
Ладошкой потной ухватился
И над расщелиной висит.

На нем камней четыре пуда,
Ему не просто их спасти.
Всю аномалию отсюда
Хотел он в лагерь унести.

Вот он кричит, в ответ лишь эхо
Ему поет за упокой...
Зачем он в наш отряд приехал?
Зачем нарушил мой покой?
Он забодал меня в маршрутах,
Не даст ни сесть, ни покурить...
Его последнюю минуту
Сейчас увидеть предстоит!

Я вижу: он сорвется скоро,
Написан ужас на челе!
Как хорошо, что мы с прибором
Сидим спокойно на земле.

Он все висит, скорей бы падал,
Упрямый, прямо как осел!
А вдруг он даст поспать в награду?
Пойду спасу его... Пошел...

*Заонежская площадь, 1979
(совместно с И. Глассом и Я. Грейбергом)*

Снова о вечном

Отговорила рация навеки
Начальника железным языком.
Я шлю тебе последний свой конвертик
И не жалею больше ни о ком!

Стою один, среди болот и елок,
А вертолет друзей уносит вдаль.
Я полон дум о том, что я – геолог...
И ничего в прошедшем мне не жаль!

Не жаль мне лет, растроченных в болотах,
Не жаль штаны об камни протирать.
Лишь иногда охота стать пилотом,
И сверху на все это... (на-пле-вать)!

К чему жалеть, ведь каждый в мире странник,
Летит, идет пешком, или плывет.
Кому – асфальт, кому – скала и стланик.
И мне – маршрут, как летчику – полет!

Лудожгорская площадь, 1981

СОДЕРЖАНИЕ

От автора-составителя 3

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОЛОГИЯ

Байки карельских геологов

Странский Павел

Пришла пора бить бокалы	7
Театральная жизнь	10
Спорт в экспедиции	13
Поездка на Соловки	17
Дина и медведь.....	21
Участок «Яндомозеро»	24
Удачная сделка	28
НЛО.....	29
Дорога к дому.....	31

Грейберг Яков

Черная икра	33
Про спальник	33
Мишка и вертолет.....	34
Байка, самая короткая	34
Маша и медведь, или 0 пользе мата.....	34

Гласс Игорь

Истории, рассказанные у костра.....	36
Истории медвежьи	36
Истории геологические.....	38

Медов Николай

Курсы радистов	40
Калоши.....	42

Захаров Алексей

Аэровизуалка	45
Нос к носу.....	46

Хазанович Константин (ред.)

Однажды Профессор ехал в трамвае	49
Когда Профессор отправлялся в плаванье	49

Однажды Профессор парился в бане	50
Профессор поехал по туристской путевке.....	51
Миша Русский рассказывает	51
Однажды Профессор нес винт от катера.....	52
Жена Профессора очень любила лечиться.....	52
Однажды в День Военно-морского флота	53
Однажды утром Профессор побежал в поликлинику.....	54

ПОЭТИЧЕСКАЯ ГЕОЛОГИЯ

Романтический период. Стихотворный ярус.

Карельский горизонт

Кевлич Владимир

На полях Шуньги.....	57
Соцветия.....	60
Свершение	61
Твоя любовь	61
В маршруте	62

Полежаева Татьяна

Геологам – онежанам	64
«Ты эту землю мерил шагами...»	64
«Разбиты сердца...»	65
«В светло-праздничном апреле...»	66
Страница.....	66
«Я пахну дождем и июлем...»	67
Алмаз и уголь.....	67
Родник.....	67
Лесная избушка.....	68

Куликова Виктория

«Когда-то в юности далекой...»	69
Сайнаволоку	70
«По болотам мы мотались две недели...»	71
«Долго ли будет Карелия сниться...»	71
«Коварством Ветреного Пояса...»	72
«Над тихим озером туман...»	72
«Летит Земля в космическую даль...»	73
Растрепанные мысли.....	73

Захаров Алексей

«У самого синего неба...»	78
«В бездонном небе...»	79
«Мои слова любви...»	80
«Странна и мне...»	81
«Глаза твои...»	83
«Все в тебе...»	84
«Ты солнышко мое...»	85
«Я был ужасный...»	86
«Я знаю...»	87
Коту Ваське	88
«Все кануло в лета...»	89

Епишина Галина

«Стучат часы, слагаясь в дни...»	90
«Какая долгая зима...»	91
«Как все мы в юности похожи...»	92

Трошкова Раиса

«Июнь и снег – вообще-то непривычно...»	93
---	----

Тяганова Валентина

Дарите женщинам цветы	94
«У каждой весны есть своя примета...»	95

Гаврилов Виктор

Ода болоту	96
------------------	----

Знаменский Сергей

Хвала резиновым сапогам.....	97
------------------------------	----

Шелехов Александр

В экспедиции	98
--------------------	----

Гаранжа Александр

Хизовара.....	99
---------------	----

Булавин Александр

Не о том.....	101
О вечном.....	102
Народная радиометрическая.....	104
Снова о вечном.....	105

Несекретные материалы

Автор-составитель Странский В. П.

Подписано в печать: 21.03.2008 г.

Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 6,51. Тираж 1 000 экз. Зак. 282.

Издательство «Verso». 185031, г. Петрозаводск, наб. Варкауса, 1а.

Отпечатано в типографии «Verso» КРОО ФТИ.